
НѢКОТОРЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ О МИТРОПОЛИТѢ ФИЛАРЕТѢ.

Многіе изъ почитателей покойнаго митрополита спрашивали меня: неужели вы не записывали объ всѣхъ интересныхъ разговорахъ его, бывая у него такъ часто? На что я всегда отвѣчалъ: въ томъ-то и бѣда, что я этого не дѣлалъ, о чемъ и самъ очень сожалѣю, потому что слыхалъ много интереснаго, и теперь чрезъ столько лѣтъ многое вышло изъ памяти. На сіе возражали мнѣ: по крайней мѣрѣ

то, о чемъ можете теперь вспомнить, слѣдуетъ записать; почему и рѣшаюсь къ тому приступить (а).

Въ первый разъ я увидѣлъ Филарета въ 1814 году въ Петербургѣ въ тамошнемъ Казанскомъ соборѣ; ему было тогда 32 года отъ роду, а онъ уже былъ архимандритомъ и ректоромъ Петербургской Академіи, украшенный панагіею и орденомъ св. князя Владиміра 2-й степени со звѣздою. Награжденіе въ то время рѣдкое въ званіи архимандрита (въ послѣдствіи, когда я съ нимъ хорошо познакомился, онъ говорилъ мнѣ, что когда ему пожаловали сей орденъ, то его нызывали *скороспѣлкою*).

Въ тотъ день, какъ я его въ первый разъ увидѣлъ въ 1814 году, было въ Казанскомъ соборѣ молебствіе, по случаю полученнаго извѣстія о взятіи Парижа; въ соборѣ собралось все знатное духовенство, начиная съ бывшаго тогда митрополита Амвросія. Императрица Марія Ѳеодоровна съ великою княжною Анной Павловной прибыла въ соборъ въ парадной каретѣ, сопровождаемая верхами великими князьями Николаемъ Павловичемъ и Михаиломъ Павловичемъ. Въ соборѣ дожидались ихъ всѣ придворные и весь генералитетъ. Меня пригласили съ собою ѣхать тудаже Екатерина Владиміровна Новосильцова, урожденная графиня Орлова, для которой отведено было мѣсто на малыхъ хорахъ собора, чтобы видѣть всю эту церемонію. Тутъ мнѣ указали на знаменитаго архимандрита Филарета. Съ того времени не видалъ я его до 1821 года, когда онъ уже былъ назначенъ архіепископомъ въ Москву. 3 іюля 1817 года, посвященъ онъ былъ въ епископа Ревельскаго оставаясь ректоромъ и викаріемъ С.-Петербургскимъ, потомъ переименованъ былъ архіепископомъ Тверскимъ, и назначенъ былъ Синодальнымъ членомъ; въ 1820 году переведенъ былъ въ Ярославль, въ которомъ однако не успѣлъ побывать, потому что въ 1821 году 5 августа назначенъ быть архіепископомъ Московскимъ, на мѣсто митрополита Серафима, назначеннаго быть митрополитомъ С.-Петербургскимъ.

Новый архипастырь прибылъ въ Москву 14 августа; на другой, день т.-е. 15 августа въ Успенскомъ соборѣ послѣ совершенной имъ литургіи сказалъ вступительное слово, *о Благодати и мирѣ, какъ предметахъ желанія.*

Послѣ того случалось мнѣ видать его неоднократно въ

(а) Здѣсь кстати можно вспомнить подлинныя слова владыки о памяти: *у меня въ памяти, какъ въ рѣшетѣ, ничего не держится.*

служеніи, но не былъ еще съ нимъ знакомъ до 1822 году. Познакомился же съ нимъ вовсе неожиданно. Это случилось такимъ образомъ: посѣтивъ Троицкую Лавру, и собираясь обратно въ Москву, зашелъ я проститься съ бывшимъ тогда намѣстникомъ покойнымъ Аѳанасіемъ, котораго я очень любилъ и уважалъ. Онъ спросилъ меня, не возмусь ли я доставить владыкѣ очень нужное письмо? Иначе надобно будетъ дожидаться почтоваго дня, или посылать нарочнаго (потому что тогда не было еще ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфовъ). Я отвѣчалъ ему, что съ удовольствіемъ принимаю его порученіе, чрезъ что буду имѣть случай получить благословеніе Владыки. Итакъ по прибытіи моемъ въ Москву отправился я къ владыкѣ; онъ принялъ очень ласково, и благодарилъ за доставленіе письма, распрашивалъ о Лаврѣ и объ отцѣ намѣстникѣ. Собирался я уже и откланяться ему, какъ докладываютъ ему, что пріѣхали къ нему Екатерина Владиміровна Новосильцева и Варвара Михайловна Нарышкина. Обѣ дамы давно и коротко мнѣ были знакомы, почему я еще остался нѣсколько посидѣть у него; разговоръ сдѣлался общимъ; погодя немного, подошелъ я къ Владыкѣ, чтобы принять его благословеніе и проститься съ нимъ, при чемъ просилъ у него дозволенія быть у него впредь; онъ отвѣчалъ мнѣ, что ему всегда пріяно будетъ меня у себя видѣть. Принявъ это только за вѣжливый отвѣтъ, я не думалъ быть у него скоро; но на другой день Нарышкина передала мнѣ, что владыка, видя, что я съ ними очень знакомъ, много у нихъ обо мнѣ распрашивалъ и между прочимъ спросилъ: гдѣ я служу, и когда ему сказали, что я въ отставкѣ, то сказалъ: „это очень жаль; мнѣ кажется, этому человѣку можно довѣрить милліоны“. Не знаю, изъ чего могъ онъ сдѣлать такое заключеніе, потому что у меня съ нимъ не было никакого разговора по сему предмету. Можетъ быть не слѣдовало бы мнѣ упоминать о томъ въ сихъ запискахъ, чтобы не похвалиться лестнымъ для меня его мнѣніемъ, но какъ безкорыстіе не есть мое пріобрѣтеніе и есть во мнѣ врожденная склонность, то и не считаю себя заслуживающимъ никакой похвалы.

Послѣ милостиваго его отзыва обо мнѣ, я началъ посѣщать его чаще, и всегда принимаемъ имъ былъ съ любовію, а потомъ уже такъ часто, что когда не удавалось мнѣ быть у него нѣсколько дней сряду, то у общихъ нашихъ знакомыхъ спрашивалъ онъ: да не знаете ли вы,

не прогнѣвался ли на меня за что Михаилъ Михайловичь, давно его не вижу.

Въ семъ же 1822 году въ Троицкой Лаврѣ было отъ преподобнаго Сергія исцѣленіе купеческой дочери Екатерины Николаевны Грезенковой, о чемъ изъ Лавры владыкѣ было донесено; на каковое донесеніе написалъ онъ отъ 7 ноября къ тамошнему отцу намѣстнику Аѳанасію секретно слѣдующее предписаніе. „Преподобный отецъ намѣстникъ! Изъ Лавры донесено мнѣ о совершившемся, благодатію Божіею, и молитвами преподобнаго отца нашего Сергія, исцѣленіи дѣвицы Екатерины, дочери Московскаго купца Николая Ивановича Грезенкова. По сему случаю поручаю вамъ, присоединивъ къ себѣ духовника сего семейства, посѣтить оное, и, при желаніи отъ насъ имъ благословенія Божія, изъявить имъ соутѣшеніе наше о явленномъ въ нихъ милосердіи Господнемъ. Не излишне будетъ напомнить при семъ, что говаривалъ нѣкогда Врачь душъ и тѣлесъ исцѣляемымъ: *вѣра твоя спасе тя, иди въ миръ; се здравъ былъ еси, ктому не согрѣшай.* Воспоминая сіе, исцѣленная, и ближайшіе участники ея радости, родители ея, пусть утверждаются въ вѣрѣ и надеждѣ на Бога, и въ семъ найдутъ миръ душамъ своимъ. Благодарность за особенный даръ Божій пусть сохранятъ какъ особенное побужденіе всегда жить и поступать по святой волѣ Божіей. За симъ вы попросите ихъ дать отвѣты на нѣкоторые вопросы, которые нашелъ я нужнымъ сдѣлать въ дополненіе къ свѣдѣнію мною полученному. Надѣюсь ненужно увѣрять ихъ при семъ, что въ требованіи моемъ нѣтъ инаго намѣренія, какъ то, чтобы истина произшествія представилась въ большей ясности, къ назиданію чтущихъ дѣла Божіи. Прилагаемые при семъ вопросы вы возвратите мнѣ, вмѣстѣ съ дополнительными свѣдѣніями, которыя по онымъ получите. Филаретъ А. Московскій“.

По полученіи требуемыхъ свѣденій владыкою сдѣлано было описаніе исцѣленія въ такомъ видѣ: „Свѣдѣніе о семъ исцѣленіи заимствовано частію изъ сказанія отца получившей исцѣленіе московскаго купца Николая Иванова Грезенкова, частію изъ очевиднаго свидѣтельства многихъ въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ. Симеоновской церкви, что за Яузой, священникъ Николай Ѳеодоровъ, духовникъ семейства Грезенковыхъ, также письменно засвидѣтельствовалъ, какъ о необычайной болѣзни ея, такъ и о чудесномъ исцѣленіи ея. Обстоятельнѣйшее же описаніе всего произ-

шествія съ подробнымъ означеніемъ времени, когда что случилось, сдѣлано родственникомъ дѣвицы, г. титулярнымъ совѣтникомъ Василіемъ Добровольскимъ, очевиднымъ свидѣтелемъ и сопутникомъ ея въ Троицкую Сергіеву Лавру. Я долгомъ почелъ, говоритъ онъ въ своей запискѣ, записать для себя что видѣлъ и что слышалъ отъ самой болящей. Мы думаемъ, что не менѣе того есть долгъ сообщить сіе и другимъ вѣрующимъ въ благодатное Провидѣніе для утѣшенія и назиданія".

„1821 года марта 3 дня дѣвица Екатерина Николаевна Грезенкова ѣздила проститься съ принявшею ее при рожденіи повивальною бабкою, которая скончалась. Возвратясь домой, дѣвица Грезенкова почувствовала зубную боль, стрѣльбу въ ушахъ, потомъ — боль въ правомъ боку; и наконецъ подвержена была судорогамъ и лому, который принуждалъ ее кричать день и ночь. Лѣченіе призваннымъ врачемъ вмѣсто помощи привело ее въ великое разслабленіе. По времени приглашенъ былъ другой; но и сей не имѣлъ успѣха. Наканунѣ Свѣтлаго Христова Воскресенія присовѣтовалъ онъ больной поставить въ хрѣнъ ноги; отъ чего свело у нея правую ногу, къ самой спинѣ. Врачъ увѣрялъ, что это ничего не значитъ. Потомъ взятъ былъ и третій врачъ, который и обѣщалъ скорое выздоровленіе; но не видя облегченія, наконецъ отказался отъ пользованія. Екатерина Николаевна во время болѣзни своей неоднократно видѣла во снѣ преподобнаго Сергія, который приказывалъ ей сказать отцу ея, чтобы ѣхалъ съ нею къ Троицѣ (въ Троицкую Сергіеву Лавру). Онъ именно сказалъ ей: *Ты будешь здорова, только не скоро; а иначе скоро забудешь*. Но родители ея, почитая сіи сновидѣнія обыкновеннымъ дѣйствіемъ воображенія и болѣзненнаго состоянія, хотя и сбирались ѣхать въ Лавру для утѣшенія страждущей, только медленно".

„Однажды ночью, когда она спала, бывшія при ней дѣвицы увидѣли, что она вдругъ повернулась, вскрикнула, потянула сведенную ногу, и уперлась ею въ грудь одной изъ нихъ; но чрезъ нѣсколько времени ногу опять начало сводить; и когда хотѣли удержать ее, больная не велѣла трогать. Поутру, когда окружающіе разсказывали о семъ родителямъ ея, они спрашивали ее, не видѣла ли чего во снѣ? Тогда она разсказала слѣдующее: видѣла я, что пришелъ преподобный Сергій съ Божіею Матерью и оба, наложивъ на ногу руки, сказали: „теперь повѣрятъ". Божія Матерь сказала еще: „жаль тебя, дѣвица, давно ты стра-

даешь, и указывая на преподобнаго, сказала: поѣзжай, онъ исцѣлитъ тебя". Но какъ выпрямилась нога, того она не чувствовала, и не помнитъ даже, что не велѣла удерживать, когда стало ее сводить. Послѣ сего конечно уже надобно было повѣрить, и рѣшительнѣе располагаться къ путешествію въ Лавру".

„Между тѣмъ преподобный еще видѣлся ей, и между прочимъ приказывалъ на дорогу исповѣдаться и пріобщиться св. Христовыхъ Таинъ. Въ ночи же предъ тѣмъ днемъ, въ который ей надлежало исповѣдаться и пріобщиться, опять видѣла во снѣ Божію Матерь и преподобнаго, который пришелъ со святыми дарами, чтобы пріобщить ее. Она сказала ему, что ее завтра будутъ исповѣдывать и пріобщать; но онъ отвѣтствовалъ: нѣтъ нужды, то будетъ завтра, а я теперь пріобщу тебя. Когда же преподобный пріобщилъ ее, то Божія Матерь отерла уста ея пеленою, но потомъ вновь повелѣвала ей ѣхать, говоря: поѣзжай и если будетъ тебѣ дорогою хуже, не отчаявайся; Мы будемъ съ тобою во всю дорогу".

„Наконецъ мая 12 дня отправились въ путь, и для переѣзда 60-ти верстъ съ небольшимъ, по чрезвычайной слабости болящей, потребовалось четыре дня".

„Мая 16 въ вечеру пріѣхали въ Троицкій Сергіевъ посадъ, и когда подъ стѣнами монастыря остановились, чтобъ найдти удобную квартиру, больная очнулась и услышавъ, что пріѣхали къ желаемому мѣсту, перекрестилась, и слезы радости полились изъ глазъ ея. Мая 18 внесли ее въ соборную церковь на доскѣ и на перинѣ, и поставили на правой сторонѣ у праваго клира противъ самой раки преподобнаго. До начатія литургіи, по желанію ея исповѣдывалась она у іеромонаха Гавріила при гробѣ преподобнаго. Въ извѣстное время она принесена была къ царскимъ вратамъ, для принятія тѣла и крови Христовой; а потомъ опять поставлена была на прежнемъ мѣстѣ. По окончаніи литургіи и соборнаго молебна, когда народъ приложился къ мощамъ преподобнаго, больная принесена была ближе къ ракѣ, и началъ молебенъ преподобному. Въ сіе самое время у нея начались сильныя судорожныя движенія. Она схватила мою руку, говоритъ г. Добровольскій, и приложила къ сердцу, которое необыкновенно билось, какъ будто бы хотѣло вырваться изъ нея. Нога же стала выправляться, и когда окончился молебенъ, была уже совсѣмъ выпрямлена. Больная нѣсколько разъ крестилась, и предстоящіе, видя таковое Божіе

благоволеніе, молились со слезами, и многіе стояли на колѣнахъ. По окончаніи молебна приложили ее къ мощамъ. Такимъ образомъ привезли ее на квартиру съ прямою ногою; но спустя часа два, начало ее опять сводить, и къ другому утру она сведена была попрежнему".

„Мая 21-го, въ день празднованія Божіей Матери въ честь иконы Ея Владимірскія, болящая привезена была опять въ соборъ и поставлена на прежнемъ мѣстѣ, и опять послѣ литургіи во время молебна нога стала выправляться, и выпрямилась совсѣмъ, съ тою только разницею, что судорожныя движенія были не такъ сильны, и біеніе сердца, хотя также необыкновенно, но легче прежняго. Послѣ молебна, какъ и въ первый разъ, приложили ее къ мощамъ преподобнаго и привезли въ домъ съ прямою ногою, но чрезъ нѣсколько времени начало сводить ее. Мая 22 также во время молебна у гроба преподобнаго вновь выпрямилась и уже безъ всякихъ судорожныхъ движеній, но потомъ въ домѣ свело у лѣвой руки пальцы. Мая 29 въ Троицынъ день во время молебна нога выпрямилась; и когда стали прикладывать больную къ мощамъ преподобнаго, и рука коснулась одеждъ покрывавшихъ его, то пальцы на рукѣ сведенные вдругъ выпрямились; послѣ въ домѣ разсказывала, что въ то время чувствовала, какъ будто бы кто ее ударилъ въ руку,—послѣ сего руки болѣе не сводило. Мая 30 въ день сошествія Св. Духа, мая 31, іюня 4, 5, 6 и 8 числъ (всякій разъ) при гробѣ преподобнаго во время молебна ему, угоднику Божію, всякій разъ нога выпрямлялась. Надобно замѣтить, что со втораго раза ее сводило разъ отъ раза менѣе, и наконецъ послѣ 8 іюня она осталась совершенно прямою. Во все сіе время лѣкарствъ не употребляла, кромѣ масла изъ лампады преподобнаго".

„По исцѣленіи ноги ея и пальцевъ руки, она давала знать родителямъ, что должно ѣхать въ Москву и быть пока довольными, какъ бы давая разумѣть, что еще не пришло время получить окончательное исцѣленіе. — Іюля 24 привезена она была въ Москву съ прямою ногою, но съ закрытыми глазами и безъ употребленія языка, и въ семъ состояніи пробыла до 24 ноября, то-есть до дня своего ангела. Въ сей день, когда пришелъ священникъ пріобщить ее Св. Таинъ, она вдругъ открыла глаза. Наконецъ 1822 года въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія, Спаситель міра по молитвамъ угодника своего благоволилъ довершить милосердіе Свое надъ болящею. Когда отецъ ея,

возвратясь изъ церкви къ семейству, между прочими и ее привѣтствовалъ: *Христосъ воскресе!* уста ея разрѣшились, и первое ея слово было: *воистину воскресе!* Послѣ сего потребовала она трость; съ помощію ея встала съ постели, и съ тѣхъ поръ начала укрѣпляться.

„Да славятъ Господа за милость Его и за чудеса Его для сыновъ человѣческихъ! Послалъ слово Свое, и исцѣлилъ ихъ, и избавилъ ихъ отъ могилы ихъ“: (Пс. 92. 20. 21).

„Прославивъ съ Давидомъ Бога исцѣлителя, не можемъ удержаться, чтобы не обратить вниманія и болящихъ и здравыхъ на достопамятныя въ описанномъ здѣсь приключеніи слова, сказанныя болящей: *Ты будешь здорова, только не скоро, а иначе скоро забудешь.* Безъ сомнѣнія Отецъ щедротъ и Богъ всякаго утѣшенія всегда желаетъ и всегда готовъ подать немощнымъ и скорбящимъ отраду и помощь; но когда видитъ, что рановременная помощь не произведетъ духовнаго плода, для котораго скорбями воздѣлываетъ Онъ землю сердца нашего, тогда по милосердію медлитъ дѣломъ милосердія, чтобы съ неблаговременно помилованнымъ *не случилось горшаго;* даетъ вкусить горечь страданія, дабы потомъ совершеннѣе возчувствована была сладость помилованія, и тѣмъ болѣе подкрѣплены были вѣра, надежда и любовь“.

Семейство исцѣлившейся мнѣ было знакомо и я былъ свидѣтелемъ того, какъ ее подносили на доскѣ къ мощамъ чудотворца Сергія, и какъ пальцы рукъ ея расправлялись, когда прикасались покрова преподобнаго. По отбытіи же ихъ изъ Лавры часто присылали ей черезъ меня масло отъ лампады чудотворца, которымъ она лѣчилась.

Михаилъ Евгеніовъ.

(Продолженіе будетъ).

НѢКОТОРЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ О МИТРОПОЛИТѢ ФИЛАРЕТѢ [a].

Въ 1823 году владыка вызванъ былъ въ Петербургъ для присутствованія въ Сунодѣ, куда онъ и отправился. Прощаясь со мною, примѣтилъ онъ, что я неравнодушно съ нимъ разстаюсь, и желая утѣшить меня, приказалъ при отъѣздѣ своемъ казначею Лавры о. архимандриту Арсенію тотчасъ по отъѣздѣ своемъ отвезти мнѣ образъ Спасителя благословляющаго. На оборотѣ этого образа сдѣлана его рукою надпись.—По пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ пожалованъ онъ былъ орденомъ Св. Александра Невскаго, за написанный имъ пространный катихизисъ, разсмотрѣнный и одобренный святѣйшимъ Синодомъ. — Въ слѣдующемъ

(а) Продолженіе. Начало см. въ апрѣльской книжкѣ.

же году уволенъ былъ въ Москву, кажется на цѣлый годъ. Въ Москву въ августѣ мѣсяцѣ пріѣзжалъ въ послѣдній разъ императоръ Александръ I, котораго и я видѣлъ въ послѣдній разъ 30 августа, въ день его ангела, шествующаго въ Успенскій соборъ въ лентѣ Александра Невскаго.

Кажется владыка пріѣхалъ въ Москву не задолго до прибытія государя. На пути случилось съ нимъ забавное происшествіе. Одинъ изъ моихъ петербургскихъ знакомыхъ А. И. М. передъ отъѣздомъ его въ Москву пришелъ къ нему, чтобы съ нимъ проститься. Владыка, зная его со мною дружбу, спросилъ его: что прикажете сказать о себѣ Михаилу Михайловичу? и ежели угодно будетъ послать къ нему со мною и посылку, то у меня для сего мѣсто отыщется въ экипажѣ моемъ. — Тотъ обрадовался доброму случаю, изволилъ отправить посылку ко мнѣ съ варенъемъ изъ морошки, которую я любилъ и каковой въ Москвѣ не всегда можно найдти. Служители владыки, желая бережливѣе доставить мнѣ посылку, вздумали обернуть ее во владыкино шелковое одѣяло. Преосвященный въ проѣздъ чрезъ Тверь, пожелалъ остановиться ночевать, чтобы нѣсколько отдохнуть. Озябнувъ ночью, приказалъ принести одѣяло, которое ему и было подано. Покрывшись имъ, онъ не зналъ, какъ объяснить, отъ чего руки его склеились; призываетъ своего служителя, и тутъ загадка разъяснилась. По пріѣздѣ въ Москву, разсказывалъ онъ мнѣ съ улыбкою о семъ происшествіи. Совѣстно мнѣ было слышать, что я нѣкоторымъ образомъ былъ причиною сего происшествія, и на другой же день, вмѣсто того чтобы благодарить своего пріятеля за присланный имъ мнѣ гостинецъ, я написалъ ему выговоръ; тотъ, получивши мое письмо, встревожился и написалъ къ преосвященному извинительное письмо, за что и я получилъ выговоръ отъ владыки; онъ, увидавъ меня, сказалъ мнѣ: развѣ я для того разсказалъ вамъ о томъ, чтобы вы писали въ Петербургъ?

Многіе знакомые преосвященнаго просили у него дозволенія снять съ него портретъ, на что онъ долго не соглашался; наконецъ, по убѣдительной просьбѣ всѣхъ желающихъ того, согласился и дозволилъ мнѣ привести къ нему художника, мною рекомендованнаго, Андрея Петровича Соболевскаго, который удачно снималъ портреты акварелью. Владыка назначилъ мнѣ день и часъ, когда я могу его привести, что мною и было исполнено. Тогда владыка спросилъ меня: какъ прикажете мнѣ,—стоять или

сидѣть? Я отвѣчалъ ему, что желаю того, что для него спокойнѣе быть можетъ. Онъ сказалъ, что ему совершенно все равно, и что онъ не устанетъ и стоять. Тогда просилъ я его сѣсть, и чтобы ему не скучно было сидѣть безъ дѣла, я просилъ у него дозволенія читать вслухъ ему ту книгу, за чтеніемъ которой мы его застали, на что онъ согласился и благодарилъ меня. На другой день художникъ долженъ былъ по его назначенію опять пріѣхать. Но владыка увѣдомилъ меня слѣдующею запискою: „Принужденъ предварить васъ, м. г., Михаилъ Михайловичъ, что я сегодня такъ немощенъ, что начатому дѣлу продолжаться нельзя. Можно ли завтра въ предположенное время, постараюсь предварить рано. Апр. 9, пятница.“ Черезъ день получилъ отъ него слѣдующую записку: „Естьли вамъ, Михаилъ Михайловичъ, и художнику свободно будетъ, я согласенъ ожидать васъ сегодня, или въ три или съ половиною, или въ четыре часа, какъ вамъ удобнѣе. Посылаю проповѣдь и рѣчь для княгини Екатерины Алексѣевны Волконской. Прошу, чтобы сіе было отъ меня. Ранѣе не поспѣлъ, не зная, гдѣ она пребываетъ“.—Черезъ день получилъ записку: „Не худо бы какъ-нибудь сегодня кончить дѣло; въ первомъ ли, во второмъ ли часу пополудни угодно быть у меня, найдете меня и, надѣюсь, готовымъ. Апр. 10, суббота“. Портретъ былъ почти готовъ, оставалось написать звѣзды на рясѣ. Я писалъ къ владыкѣ: вмѣсто того, чтобы его еще разъ безпокоить, вновь привозить къ нему художника, не угодно ли ему будетъ прислать ко мнѣ свою одежду,—сего достаточно будетъ для окончанія портрета. На сіе получилъ отъ него слѣдующую записку: „Посылается требованная одежда. Надобно бы ей возратиться домой ночевать. А есть ли опять нужна будетъ, то можетъ быть вновь прислана отъ ранняго утра до поздняго вечера. Мая 3“.

Неоднократно случалось мнѣ видать его въ затруднительныхъ и непріятныхъ для него положеніяхъ, а именно: въ 1824 году, по возращеніи своемъ въ Москву, онъ былъ опечаленъ тѣмъ, что указомъ Свят. Синода типографской конторѣ предписано было остановить печатаніе написаннаго имъ (владыкою) Катихизиса, разсматриваннаго и одобреннаго Св. Синодомъ и изданнаго по Высочайшему повелѣнію. Объ этомъ случаѣ много было толковъ; продажа Катихизиса его не только запрещена была, но и находившіеся уже въ лавкахъ экземпляры отбираемы были. Любопытствующіе узнать причину того предлагали по 25 рублей за экземпляръ и не могли получать. — Нѣкото-

рые изъ посѣщавшихъ владыку такъ были неосторожны, что дозволяли себѣ спрашивать его: правда ли, преосвященнѣйшій, что Катихизисъ вашъ запретили? На что онъ отвѣтствовалъ: нѣтъ, не мой, а изданный по Высочайшему повелѣнію, и одобренный Святѣйшимъ Сунодомъ.— Авторъ Катихизиса письмомъ къ первоприсутствующему въ Сунодѣ митрополиту Серафиму просилъ его „обратить вниманіе на возникшее дѣло о сунодально утвержденномъ Катихизисѣ и дать сему дѣлу направленіе сообразное съ истиною, съ порядкомъ и достоинствомъ іерархіи съ миромъ и безсоблазнствомъ православныя церкви. Если сквозь дѣло хотятъ уязвить лицо, — пускай. Но должно ли допускать, чтобы подкапывали твердость и достовѣрность церковнаго правительства, чтобъ возмущать миръ церкви“?

По сему же случаю въ день святителя Алексія сказано было имъ слово въ Чудовомъ монастырѣ на текстъ: *Не многи учители бывайте, много бо согрѣшаемъ вси.* Запрещеніе же Катихизиса сдѣлано было по настоянію бывшаго тогда министра просвѣщенія Шишкова, ревностію его не по разуму. Неправославнымъ показалось ему то, что Символъ вѣры (названный имъ министромъ молитвою), также *Отче нашъ* и десятословіе изложены были въ Катихизисѣ русскимъ, а не славянскимъ языкомъ, и сія-то именно причина прописана была въ указѣ Святѣйшаго Синода къ московской типографіи. Хотя причина таковаго запрещенія была не важная, тѣмъ не менѣе чувствовалъ владыка оскорбленіе нисколько не заслуженное.— Кончилось тѣмъ, что Катихизисъ его дозволено было продавать и приказано было вездѣ по оному преподавать, но до сего разрѣшенія трудно владыкѣ было переносить скорбь сію.

Въ 1825 году, посѣщая часто Александра Павловича Протасова, встрѣчалъ я у него двоюродную сестру его графиню Екатерину Петровну Растопчину, супругу бывшаго главнокомандующаго въ Москвѣ графа Ростопчина; она измѣнила православной вѣрѣ и присоединилась къ римской церкви. Слышалъ я однажды разсужденіе ея о книгѣ, сочиненной архипастыремъ нашимъ по случаю присоединенія къ римскому исповѣданію роднаго племянника князя Александра Николаевича Голицына, подъ названіемъ: *Разговоры между Испытующимъ и Увѣреннымъ.* Графиня сказала: „въ Парижѣ противъ этой книги вышло сочиненіе въ нѣсколькихъ книгахъ, въ которомъ сдѣлано сильное и ясное опроверженіе противъ книги Филарета;

желала бы я знать, что бы могъ сказать теперь вашъ Филаретъ"?—Протасовъ, зная, что я часто посѣщаю владыку, предлагалъ мнѣ передать ему этотъ разговоръ. Долго не рѣшался я ему о томъ говорить, не находя всегда удобнымъ начинать о семъ, при многихъ встрѣчавшихся у него посѣтителяхъ. Однажды, когда я былъ съ нимъ наединѣ, зашелъ какъ-то разговоръ о римской церкви; тогда передалъ я ему слышанное отъ графини Растопчиной. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что по настоящимъ его занятіямъ, онъ не имѣетъ довольно свободнаго времени, противъ огромнаго сочиненія направленнаго противъ его книги писать; но если угодно будетъ сдѣлать любой вопросъ, то онъ готовъ на всякой дать отвѣтъ. Это мною и передано было графинѣ. На другой же день получилъ я отъ ней выписку изъ книгъ на французскомъ языкѣ и поспѣшилъ отослать къ владыкѣ. Не прошло болѣе часа, какъ получилъ отъ него отвѣтъ, который мною и отосланъ былъ къ графинѣ. Такимъ образомъ завязалась чрезъ меня переписка съ нею, которая довольно долго продолжалась и въ которой владыка оставался всегда побѣдителемъ. Графиня, для которой возраженія писали всегда аббаты, не имѣя что на сужденія владыки отвѣчать и не говоря, что его доказательства несправедливы или неосновательны, уклонялась отъ нихъ въ сторону, начинала новые споры, что продолжалось довольно долго. Владыкѣ это наскучило; онъ сказалъ мнѣ, что онъ не желаетъ болѣе продолжать споры, которые ни къ чему не ведутъ. Послѣдній его отвѣтъ графинѣ былъ слѣдующаго содержанія:

„Логика учитъ, или если угодно иначе, разсудокъ сказываетъ, что когда доказательство справедливо и заключеніе изъ доказательства выведено вѣрно, то нельзя спорить противъ заключенія; ибо что выводится изъ истины и выводится вѣрно: то по необходимости есть истина, а не ложь. — Мнѣ предложили предметъ и назначили родъ доказательства. Употребивъ данный родъ доказательства, я вывелъ заключеніе. Не говорятъ, что доказательство ложно; не говорятъ, что заключеніе выведено не вѣрно: слѣдственно и заключеніе неоспоримо.

„Но, минуя доказательство, вновь начинаютъ споръ противъ заключенія: симъ образомъ, кому есть досугъ, продолжать можно всякій споръ безъ конца, пріискивая разные призраки противоположныхъ доказательствъ.

„Между прочимъ требуютъ *многочисленныхъ* доказательствъ. Доказательства не деньги, которыхъ чѣмъ больше у кого есть, тѣмъ болѣе тотъ можетъ купить. Если есть одно

твердое доказательство: то истина стоитъ безопасно, хотя бы тучи стрѣлъ, т.-е. возраженій, въ нее пустили. Господу надлежало доказать противъ саддукеевъ важную истину— воскресеніе мертвыхъ: Онъ употребилъ одно доказательство: *О воскресеніи же мертвыхъ нѣсте ли чли реченнаго вамъ Богомъ глаголющимъ: Азъ есмь Богъ Авраамовъ, и Богъ Исааковъ, и Богъ Іаковль? Нѣстъ Богъ, Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ* (Мат. 22, 31. 32.). Неужели сказать, что доказательство сіе не годится, потому что одно, а надобны *многочисленныя?* И враги Господа не сказали сего; но *слышавше народи дивляхуся* (33), и самые фарисеи признавались, *яко посрами саддукеи* (34). Итакъ требованіе многихъ доказательствъ не ослабляетъ одного даннаго: хотя впрочемъ и многія представлять полезно, когда того требуютъ обстоятельства.

„*Тысяча примѣровъ и множество текстовъ*, которыхъ въ самомъ дѣлѣ не приведено, составляютъ доказательство, на которое надобно что-нибудь отвѣчать, потому что оно кажется торжественнымъ, но на которое трудно дать отвѣтъ, который бы не показался непріятнымъ. Да простятъ меня и выслушаютъ спокойно, что я спокойно говорю, по необходимости будучи вызванъ. Сія *тысяча* и сіе *множество* суть слова, въ которыхъ много звука, но мало свѣта; а истина требуетъ свѣта, какъ и сама есть свѣтъ. Это родъ ученой угрозы: но угроза не всегда означаетъ силу, и не всегда ручается за побѣду. Представлено *три* выписки: я и считаю три, а не *тысячу*.

„О двухъ выпискахъ *въ пользу римской церкви* изъ Іеронима и Кирилла александрійскаго ничего теперь не скажу, потому что книгъ сихъ писателей не имѣю подъ рукою. Выписку изъ Кирилла не знаю и найду ли, потому что указаніе сего не обѣщаетъ. Третья выписка изъ Амвросія медіоланскаго, котораго книга близка. Итакъ перепишемъ по-русски французскую выписку и сличимъ съ подлинною книгою св. Амвросія. „Церковь, пишетъ св. Амвросій медіоланскій, есть тамъ, гдѣ Петръ. Корабль св. Петра есть ковчегъ Ноевъ, внѣ коего все погибаетъ. Общеніе (communion) съ Римомъ есть то, которое достаточно для соединенія со всѣми католическими епископами; его-то важнаго сужденія (autorité) держаться должно въ затрудненіяхъ, какія встрѣчаются.“ На псалом. 40. слов. 11, письм. 74, къ Ѳеофил.

„Раскрываю толкованіе на псаломъ 40 и нахожу слѣдующее: *Гдѣ Петръ, тамъ Церковь; гдѣ Церковь, тамъ нѣтъ никакой смерти, но жизнь вѣчная.* О римской церкви ни

слова. Петръ же былъ не въ одномъ Римѣ, гдѣ хотѣли бы его заключить нынѣшніе римскіе епископы, но также и въ Антіохіи, а прежде всего въ Іерусалимѣ, который и называется въ литургіи св. Іакова и въ стихахъ св. Іоанна Дамаскина, донынѣ поемыхъ на воскресной вечерни, *матерію церквей.* Раскрываю слово, по парижскому изданію 1661 года, 62-ое, по прежнимъ изданіямъ 11, и нахожу изъясненіе повѣствованія евангельскаго о Спасителѣ изъ корабля Петрова учащемъ народы. Между прочимъ св. Амвросій говоритъ о Господѣ: „Петровъ корабль избираетъ, Моисеевъ оставляетъ, т.-е. презираетъ вѣроломную синагогу, пріемлетъ вѣрную церковь. Далѣе: *поступи во глубину,* т.-е. во глубину разсужденій о божественномъ рожденіи: ибо есть ли что столь глубокое, какъ то, что сказалъ Петръ Господу: ты еси Христосъ Сынъ Бога живаго? Еще далѣе: „какъ Ноевъ ковчегъ, при потопленіи міра, всѣхъ, которыхъ принялъ, сохранилъ въ безопасности: такъ и Петрова Церковь, когда міръ сгарать будетъ, всѣхъ, которыхъ объемлетъ, представитъ невредимыхъ.“ Опять ни слова о римской церкви. Петровою же Церковь Христова названа очевидно по примѣненію къ кораблю Петрову, и къ его исповѣданію вѣры, на которомъ утверждается Церковь, и по которому Петръ, первый исповѣдникъ *Христа Сына Божія,* какъ *первый камень* положенъ въ основаніе Церкви Христовы, впрочемъ *рядомъ* съ древними камнями древняго храма, и съ другими новыми храма обновленнаго, на единомъ для всѣхъ краеугольномъ и во главу сущемъ камени, по реченному: *наздани бывше на основаніи апостолъ и пророкъ сущу краеугольну самому Іисусу Христу* (Еф. 11, 20). *Основанія бо инаго никтоже можетъ положити паче лежащаго, еже есть Іисусъ Христосъ.* (1 Кор. 3, 11).“

Эта переписка владыки съ графинею Ростопчиной ведена была не непосредственно, а чрезъ меня и сохранилась у меня въ копіи. Какъ-то почтенный отецъ архимандритъ Даниловскій Іаковъ, нынѣ епископъ Муромскій, посѣтилъ меня, и увидѣвъ эту переписку, просилъ меня дать ему для прочтенія. Потомъ показалъ ее митрополиту, прося его дозволенія напечатать ее въ изданіи Общества любителей Духовнаго Просвѣщенія. Митрополитъ, увидавъ сію переписку, о которой вѣроятно и забылъ, съ удивленіемъ спросилъ, гдѣ могъ онъ ее достать, и когда отецъ архимандритъ сказалъ ему, что онъ получилъ ее отъ меня, сказалъ ему: оставь ее у меня для разсмотрѣнія, — и че-

резъ нѣсколько времени дозволилъ напечатать въ Чтеніяхъ Общества любителей Духовнаго просвѣщенія, однако же не вполнѣ. Она помѣщена въ книжкѣ Чтеній 1865 года.

Въ томъ же 1825 году преставился блаженной памяти государь императоръ Александръ Павловичъ 19-го числа ноября въ Таганрогѣ. Извѣстіе о семъ нескоро могло достигнуть до Москвы, ибо тогда еще не существовало ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфовъ. 27-го числа поутру я узналъ о семъ несчастіи, и въ тотъ же день вечеромъ передъ всенощною, которую я всегда слушалъ въ домовой церкви владыки, зашелъ къ нему. Я никакъ не могъ вообразить, чтобы не дошло до него сіе печальное извѣстіе. Къ удивленію моему, нашелъ его въ веселомъ расположеніи духа. Не желая быть первымъ вѣстникомъ сего печальнаго происшествія, я не начиналъ говорить о семъ; но когда онъ улыбаясь сказалъ мнѣ, что ему принесли курьезную книгу, которую сейчасъ мнѣ покажетъ,— тогда я удостовѣрился, что онъ ничего не слыхалъ о постигшей насъ горести. Я остановилъ его, сказавъ ему: вѣроятно, преосвященный, вы ничего не знаете, что съ нами случилось. Онъ остановясь спрашиваетъ меня: а что такое? Я долженъ былъ ему объявить, что 19 го числа государь скончался. Что вы говорите? это не можетъ быть,—возразилъ онъ. Я же отвѣчалъ ему, что по несчастію, могу его въ томъ увѣрить, и онъ могъ только сказать: „Боже мой! Какое несчастіе! что съ нами теперь будетъ?“ Вслѣдъ за симъ начали къ нему пріѣзжать посѣтители, которые подтвердили мною сказанное. На другой день былъ я у обѣдни въ домовой церкви князя Сергія Михайловича Голицына. У него и обыкновенно много бывало посѣтителей, но въ сей день особенно много собралось гостей, можетъ быть потому, что надѣялись узнать что-нибудь подробнѣе о кончинѣ государя. Князь, увидавъ меня, подошелъ ко мнѣ и говоритъ мнѣ: „я сейчасъ получилъ письмо отъ преосвященнаго Филарета; онъ проситъ у меня дозволенія пріѣхать ко мнѣ; вѣроятно желаетъ онъ со мною переговорить о чемъ-нибудь на счетъ кончины императора. Ты видишь, сколько у меня гостей, при всѣхъ говорить ему будетъ неудобно. Надобно дать время всѣмъ разъѣхаться, тогда мы съ тобой къ нему поѣдемъ“. Я отвѣчалъ ему: очень хорошо, и прибавилъ: „вообразите, что преосвященный до вчерашняго вечера ничего о томъ не зналъ, что я первый передъ всенощной ему о семъ объявилъ, и замѣтно было, что это его очень встре-

вожило". Итакъ, когда всѣ гости отъ князя разъѣхались, мы съ нимъ поѣхали къ преосвященному. Владыка началъ говорить: „вообразите, что со мною дѣлаетъ князь Дмитрій Владиміровичъ (а). Онъ до сихъ поръ меня ни о чемъ не увѣдомляетъ; я узналъ о семъ несчастіи отъ Михаила Михайловича, а мнѣ можетъ быть нужнѣе знать о семъ, нежели кому другому." Говоря это, онъ имѣлъ въ виду завѣщаніе покойнаго императора, подписанное имъ 16-го августа 1823 года. Оно составлено самимъ владыкою по порученію государя и по его приказанію положено было имъ преосвященнымъ для храненія въ ковчегѣ на престолѣ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ съ тѣмъ, чтобы по смерти императора прежде всякаго дѣйствія оное вскрыть. Князь Сергій Михайловичъ всячески старался оправдывать кн. Димитрія Владиміровича и уговорилъ владыку вмѣстѣ съ нимъ ѣхать къ нему для объясненія обо всемъ. Князь же Димитрій Владиміровичъ не зналъ о завѣщаніи положенномъ покойнымъ императоромъ и весьма былъ удивленъ, когда услышалъ о семъ. Одному только владыкѣ извѣстна была надпись на пакетѣ собственноручная покойнаго императора таковая: „Въ случаѣ моей кончины открыть московскому епархіальному архіерею и московскому генералъ-губернатору въ Успенскомъ соборѣ, прежде всякаго другаго дѣйствія". Въ то же самое время получено было приказаніе отъ великаго князя Николая Павловича, чтобы тотчасъ принесена была присяга воцарившемуся императору Константину I, пребывавшему тогда въ Варшавѣ, и чтобы прежде сего не приступали ни къ какому иному дѣйствію. Вслѣдствіе таковаго повелѣнія, 30-го ноября и учинена была присяга императору Константину Павловичу. Послѣ того между двумя братьями происходилъ великодушный споръ. Старшій Константинъ, какъ давно уже отрекшійся отъ наслѣдованія престола, настаивалъ, что онъ не перемѣнитъ прежняго своего намѣренія. Младшій, т.-е. великій князь Николай Павловичъ, не соглашался также принять престолъ. Довольно долго продолжался между двумя братьями сей споръ. Наконецъ 12 декабря великій князь Николай Павловичъ вынужденнымъ нашелся въ семъ спорѣ уступить и манифестомъ изданнымъ 12-го декабря объявилъ о своемъ восшествіи на престолъ. Вслѣдъ затѣмъ, т. е. 14-го

(а) Голицынъ, бывшій въ то время генералъ-губернаторомъ Москвы.

декабря послѣдовало въ Петербургѣ извѣстное уже всѣмъ возмущеніе. 18-го же декабря и въ Москвѣ принесена была присяга императору Николаю Павловичу. Предъ присягою, при многочисленномъ съѣздѣ всѣхъ знатныхъ особъ, архіепископомъ вынесенъ былъ изъ олтаря ковчегъ, въ которомъ хранилась послѣдняя воля императора Александра, и положенъ былъ на аналой стоявшій на амвонѣ. Потомъ архіепископъ поднесъ къ предстоящимъ тутъ ковчегъ съ сими словами: изволите ли видѣть печать императора? По разсмотрѣніи всѣми, она была снята. Изъ ковчега вынутъ былъ пакетъ также запечатанный съ надписью собственноручною императора, которую преосвященный также всѣмъ показавъ сказалъ: изволите ли видѣть собственноручную надпись покойнаго императора? Тогда вскрытъ имъ большой пакетъ, въ которомъ находились отреченіе отъ престола великаго князя Константина Павловича, также письма его къ покойному императору и къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, и завѣщаніе императора Александра о назначеніи послѣ себя наслѣдникомъ престола великаго князя Николая Павловича. Въ слѣдъ за симъ произнесена была архипастыремъ рѣчь о послѣдней волѣ императора, за рѣчью слѣдовала присяга.

Наканунѣ сего дня, т.-е. 17-го декабря, былъ я у владыки и онъ разсказывалъ мнѣ, въ какомъ опять находился безпокойствѣ и затруднительномъ положеніи. Въ два часа ночи его разбудили и доложили, что пришелъ къ нему священникъ отъ церкви Троицы, что на Листахъ, который имѣетъ ему сообщить о дѣлѣ, нетерпящемъ времени. Владыка призываетъ его къ себѣ, и спрашиваетъ его: что ему нужно? Тотъ объявляетъ, что онъ получилъ отъ своего начальства предписаніе о немедленномъ приведеніи къ присягѣ императору Николаю Павловичу команды морскаго вѣдомства, приписанной къ вышеозначенной церкви. Новое было затрудненіе для владыки, не получившаго ни отъ кого офиціальнаго увѣдомленія о присягѣ; надо было дѣйствовать на угадъ: и разрѣшить и воспретить священнику приведеніе къ присягѣ казалось опаснымъ. Чтобы выиграть нѣсколько времени до полученія чего-нибудь вѣрнаго, владыка сказалъ священнику: поди домой и принеси мнѣ подлинную бумагу, которую ты получилъ; а между тѣмъ карандашомъ написалъ наскоро записку князю Дмитрію Владиміровичу, спрашивая его, не получилъ ли онъ чего изъ Петербурга. Князь отвѣчалъ ему, что онъ ничего не получалъ. Можно себѣ пред-

ставить то затруднительное положеніе, въ какомъ былъ владыка. Между тѣмъ священникъ принесъ къ нему бумагу; разсмотрѣвъ ее и убѣдившись, что она должна быть настоящая, владыка приказалъ священнику приводить команду къ присягѣ. Уже въ 8 часовъ утра князь Дмитрій Владиміровичъ увѣдомилъ владыку, что полученъ манифестъ о воцареніи императора Николая и что въ этотъ день должна быть ему принесена присяга. Замѣшательство произошло оттого, что каждый министръ по своей части послалъ по своему вѣдомству курьеровъ; посланный морскимъ министромъ упредилъ другихъ, а потому начальствомъ Сухаревской Башни сдѣлано было распоряженіе о присягѣ ранѣе, что владыкѣ доставило не мало безпокойства.

По прошествіи нѣсколькихъ дней, князь Сергій Михайловичъ долженъ былъ отправиться въ Петербургъ, куда пригласилъ и меня ему сопутствовать, и кажется 20 числа мы выѣхали изъ Москвы. Наканунѣ того дня владыка при прощаніи со мною просилъ меня доставить его письма: одно къ с.-петербургскому митрополиту Серафиму, а другое къ преосвященному Григорію, бывшему тогда ректоромъ С.-Петербургской академіи и петербургскимъ викаріемъ (въ послѣдствіи митрополитъ Новгородскій и Петербургскій). 24 декабря наканунѣ праздника Рождества Христова пріѣхали мы въ Новгородъ, гдѣ и остановились ночевать. Князь спрашиваетъ меня: гдѣ же намъ слушать утреню? Я отвѣчалъ ему: всего лучше было бы въ Софійскомъ соборѣ, гдѣ мы приложимся ко всѣмъ мощамъ. Предложеніе мое было принято. А слушать обѣдню я посовѣтовалъ въ Юрьевѣ монастырѣ, объ украшеніи котораго всѣ тогда такъ много толковали, что любопытно было бы все это видѣть. Князь сказалъ, что и онъ бы этого желалъ; но какъ ему извѣстно, что графиня Анна Алексѣевна Орлова теперь тамъ, и вѣроятно захочетъ познакомить его съ отцемъ Фотіемъ, чего онъ никакъ не желаетъ, то и находитъ неудобнымъ туда ѣхать. А какъ мнѣ непремѣнно желалось видѣть этотъ монастырь, то я представилъ князю, что въ день такого великаго праздника вѣроятно будетъ тамъ много народа, и мы можемъ стать въ такомъ мѣстѣ, что насъ никто и не увидитъ, а когда обѣдня кончится и всѣ изъ церкви выдутъ, мы свободно тогда все можемъ разсмотрѣть. Князь на мое предложеніе согласился. Такимъ образомъ мы поѣхали въ Юрьевъ, и помѣстились въ церкви у западной стѣны. Архимандритъ Фотій служилъ обѣдню въ богатомъ облаченіи съ пана-

гіею изъ крупныхъ изумрудовъ, осыпанную брилліантами. Графиня Орлова пріобщалась св. Христовыхъ Таинъ. Когда же обѣдня кончилась, и всѣ изъ церкви вышли, мы остались одни, и начали разсматривать образа богато украшенные драгоцѣнными каменьями. Я сказалъ князю: видите ли вы, какъ хорошо сдѣлали, что меня послушали; теперь мы на просторѣ все разсмотримъ. Вслѣдъ за этимъ моимъ словомъ, является къ намъ посланный отъ графини Анны Алексѣевны, и говоритъ, что графиня убѣдительно проситъ насъ зайти къ отцу Фотію. Не знаю, какъ она могла провѣдать, что мы тутъ; вѣроятно ямщикъ нашъ проболтался. Князь отвѣчалъ посланному, что онъ извиняется предъ графинею и не можетъ исполнить ея воли, потому что одѣтъ въ дорожномъ платьѣ и въ теплыхъ сапогахъ. Потомъ оборотясь ко мнѣ, сказалъ: уйдемъ поскорѣе,— и мы поспѣшили къ своей каретѣ. Не зная, гдѣ находятся кельи отца Фотія, мы шли именно противъ крыльца его, а на крыльцѣ уже стояла графиня дожидаясь насъ, говоря: за что же вы для такого великаго праздника хотите огорчить о. архимандрита, что не желаете принять его благословенія? Сколько ни отговаривались мы тѣмъ, что одѣты по дорожному, что не учтиво будетъ въ первый разъ представиться въ такихъ костюмахъ, графиня настояла на своемъ и мы въ теплыхъ сюртукахъ и въ дорожныхъ сапогахъ должны были ей повиноваться. Отецъ Фотій принялъ насъ очень ласково, чего не всегда ожидать было можно отъ него, потому что онъ многихъ трактовалъ по своему. Намъ подали кофе; графиня сама наливала сливки и говорила: не правда ли, что это веліе утѣшеніе послѣ такого продолжительнаго поста? Отецъ Фотій много говорилъ о событіяхъ тогдашняго времени, и мы болѣе часу у него пробыли; при прощаніи съ нами далъ князю просфору, а мнѣ благословенный хлѣбъ, и цѣловалъ насъ въ голову. На другой день пріѣхали мы въ Петербургъ, остановились въ собственномъ домѣ князя находящемся близь Синяго моста.—Въ Петербургѣ не совсѣмъ еще было спокойно; безпрестанно встрѣчались закрытыя рогожею повозки, въ которыхъ привозили изъ разныхъ отдаленныхъ мѣстъ преступниковъ участвовавшихъ въ заговорѣ, кончившемся бунтомъ 14 декабря, и провозили ихъ въ крѣпость, гдѣ они содержались. По пріѣздѣ нашемъ въ Петербургъ поспѣшилъ я исполнить порученіе нашего владыки и на другой день отправился въ Невскую Лавру къ митрополиту Серафиму; онъ принялъ ласково, и узнавъ, что я

пріѣхалъ вчера вмѣстѣ съ княземъ Сергіемъ Михайловичемъ, съ веселымъ лицомъ сказалъ мнѣ: какую вы мнѣ сказали радость! этого человѣка я такъ много люблю и уважаю. Долго удерживалъ меня у себя, распрашивая, что и какъ у насъ въ это время было, и разсказывалъ мнѣ подробно о недавно случившихся происшествіяхъ въ Петербургѣ, и вздохнувъ прибавилъ: „Вотъ, сударь, до чего мы дожили, и мнѣ пришлось воевать. Въ это время я находился во дворцѣ для приведенія къ присягѣ во ожиданіи Государя, который находился еще на площади, гдѣ происходилъ бунтъ,—и долгое время мы его ожидали; наконецъ изволилъ прислать своего генералъ-адъютанта ко мнѣ, приглашая меня пріѣхать на мѣсто бунта. Я поспѣшилъ сѣсть въ карету, а генералъ-адъютантъ изволилъ стать на запятки, и когда мы доѣхали до мѣста, гдѣ эти безпорядки происходили, я вышелъ изъ кареты въ мантіи и держа въ рукахъ крестъ, началъ говорить бунтовавшимъ: именемъ Распятаго увѣряю васъ въ истинѣ; я уже одною ногою стою во гробѣ и обманывать васъ не стану“. Нѣкоторые изъ нихъ начали креститься и подходить ко кресту, чему я не мало обрадовался, какъ вдругъ одинъ выскочилъ изъ толпы имѣя шпагу въ рукѣ, и помахивая ею закричалъ: что вы этому старому плуту вѣрите? Онъ васъ обманываетъ; и за тѣмъ надъ головою моею пролетѣло нѣсколько пуль; тогда Государь приказалъ мнѣ удалиться; меня провели по какимъ-то доскамъ, посадили въ сани, за которыми сталъ діаконъ и меня обратно привезли во дворецъ въ Дворцовую церковь, гдѣ и находился я до прибытія Государя долгое время, и тогда уже принесена была присяга. Митрополитъ кіевскій Евгеній также выѣзжалъ на площадь, но и онъ возвратился безъ успѣха!“— Домъ митрополита въ Лаврѣ очень хорошъ; комната, въ которой я у него сидѣлъ, хорошо убрана, канапе и кресла обиты малиновымъ бархатомъ съ золотомъ. Простясь съ нимъ, я отправился къ преосвященному Григорію, который жилъ въ академическомъ домѣ, будучи академіи ректоромъ. Этотъ меня также принялъ очень ласково по дружбѣ его съ нашимъ владыкою, много объ немъ разспрашивалъ и несмотря на то, что я торопился его оставить, дорожа его временемъ по большимъ его обязанностямъ, онъ все у себя удерживалъ и привѣтливостію своею много расположилъ меня къ себѣ. Когда я по возвращеніи своемъ въ Москву передалъ о томъ нашему владыкѣ, онъ сказалъ мнѣ: да, я имѣлъ честь быть учителемъ преосвя-

щеннаго Григорія, а теперь многому желалъ бы у него поучиться". Вотъ какъ онъ цѣнилъ его.

Михаилъ Евреиновъ.

(Продолженіе будетъ.)

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

ІЮНЬ. 1870.

НѢКОТОРЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ О МИТРОПОЛИТѢ ФИЛАРЕТѢ [а].

Въ Петербургѣ (въ 1825 году) прожилъ я съ княземъ С. М. Голицынымъ болѣе мѣсяца; въ продолженіи этого времени я посѣщалъ обоихъ преосвященныхъ, и митрополитъ Серафимъ пріѣзжалъ къ князю. По вечерамъ же всего чаще проводилъ я время у Натальи Кирилловны Загряжской, урожденной графини Разумовской. Всякій день у нея собиралось лучшее петербургское общество. Она жила въ одномъ домѣ съ княземъ Кочубеемъ, на племянницѣ (б) которой онъ былъ женатъ. Князь Сергій Михайловичъ былъ принятъ особенно милостиво государемъ, который часто приглашалъ его къ себѣ. Однажды государь сказалъ ему, что недоволенъ архіепископомъ московскимъ за то, что будто онъ разрѣшалъ въ бывшей тогда присягѣ Константину Павловичу, чего не слѣдовало ему дѣлать; также за то, что какой-то образъ явившійся въ Москвѣ носимъ былъ по улицамъ. Князь увѣрялъ государя, что ему; донесено было обо всемъ не такъ и не справедливо. Въ скоромъ времени послѣ этого государемъ пожалованъ былъ архіепископу бриліянтовый крестъ для ношенія на черномъ клобукѣ.

Въ концѣ генваря 1826 года мы собирались возвратиться въ Москву и наканунѣ выѣзда нашего поѣхали къ митрополиту Серафиму, чтобы съ нимъ проститься; мы встрѣтили его на Невскомъ проспектѣ ѣдущимъ въ Синодъ. Онъ просилъ насъ перейти въ его карету, что мы и сдѣлали; поговоривъ съ нимъ довольно времени, тутъ

(а) Продолженіе. См. апрѣльскую и майскую книжки.
(б) Маріи Васильевнѣ Васильчиковой.

и простились съ нимъ въ надеждѣ скоро опять съ нимъ свидѣться въ Москвѣ, куда онъ долженъ былъ прибыть для коронованія императора. Въ Москву мы возвратились 1-го Февраля; здѣсь ожидали тогда прибытія изъ Таганрога тѣла покойнаго императора. Слухи въ Москвѣ ходили очень неблагопріятные,—говорили, что съ прибытіемъ тѣла его, будетъ бунтъ въ Москвѣ; слухи эти такъ напугали жителей, что многія семейства собирались выѣзжать изъ Москвы. По этому поводу владыка 28 генваря 1826 года разослалъ предписаніе ко всему московскому духовенству слѣдующаго содержанія: „Братіямъ и сослужителямъ о Господѣ радоватися. Приближается время пренесенія тѣла въ Бозѣ почившаго государя императора Александра Павловича чрезъ сей градъ. Чуждые народы сопровождаютъ память его молитвою и оплакиваніемъ, кольми паче отечество наше, кольми паче сей первопрестольный градъ. Устройте сердца ваши провести сіе время во благоговѣніи, въ смиреніи предъ судьбами Божіими, которыя великими лишеніями и скорбями посѣщаютъ насъ по грѣхамъ нашимъ, и въ прилежныхъ молитвахъ, да упокоитъ Всеблагій Богъ душу преставльшагося царя и да не престанетъ сохранять царство и градъ отъ сыновъ отступленія, запечатлѣнныхъ печатію отчаянія, и отъ всякаго зла. Внушайте и прочимъ православнымъ людямъ, чтобы приготовляемыхъ для царскаго величія почестей не дѣлали для себя предметомъ одного празднаго любопытства, но чтобы взирали на оныя съ умиленіемъ и благоговѣйнымъ помышленіемъ, какъ преходитъ земное величіе, и какъ отъ великаго царя до малѣйшаго изъ подданныхъ для всѣхъ одна не преходящая надежда есть царствіе Божіе.“

Несмотря на распространившіеся слухи о имѣющемъ быть возмущеніи въ Москвѣ, когда привезено будетъ тѣло покойнаго императора изъ Таганрога, оно встрѣчено было, какъ и слѣдовало, очень спокойно; процессія тянулась отъ серпуховской заставы до самаго кремля. Пышную и печальную церемонію смотрѣлъ я изъ дома какого-то купца, уступленнаго имъ на сей день графу Владиміру Григорьевичу Орлову, который просилъ меня сопровождать внуку его Е. П. Д., бывшую въ послѣдствіи княгинею Долгорукovою. Тѣло покойнаго императора поставлено было въ Архангельскомъ соборѣ, подъ богато-устроеннымъ балдахиномъ на возвышенномъ полу; и въ семъ случаѣ владыка нашъ имѣлъ непріятное столкновеніе съ главноначальствующимъ кремлевскою экспедиціею княземъ Николаемъ

Борисовичемъ Юсуповымъ, которому устройство сей церемоніи было препоручено. Предположено было поднять полъ до того, чтобы онъ покрывалъ и гробницы съ св. мощами, которыя тогда были бы попираемы ногами. Владыка не согласился на это и успѣлъ недопустить сего. На другой день по привезеніи тѣла императора, т.-е. 4-е февраля, архіепископомъ совершена была въ Архангельскомъ соборѣ заупокойная литургія и сказано имъ весьма краснорѣчивое слово на текстъ: *Подобенъ ему не бысть предъ нимъ царь, иже обратися къ Господеви, всѣмъ сердцемъ своимъ и всею душею своею, и всею силою своею.—Обаче не отвратися Господь отъ ярости гнѣва своего великаго.* (4 Царст. 23, 25. 26). Не помню, сколько дней оставалось тѣло императора въ Москвѣ, но помню, что къ нему не только цѣлые дни, но и цѣлыя ночи стекалось множество народа всякаго званія. Всѣ желали проститься съ своимъ царемъ, котораго такъ искренно любили, свидѣтельствомъ чего служили проливаемыя слезы. Съ такою же церемоніею провождено было тѣло государя изъ Москвы и до Санкт-Петербурга; не доѣзжая Петербурга, оно въ Чесмѣ переложено было въ другой гробъ и привезено было 6 марта въ Петербургъ, а 13 числа марта 1826 года предано было землѣ въ Петропавловскомъ крѣпостномъ соборѣ.

30 апрѣля императрица Марія Ѳеодоровна прибыла въ Москву, гдѣ встрѣчена была въ Успенскомъ соборѣ архіепископомъ и привѣтствована была отъ него рѣчью. Она изволила отправляться черезъ Москву, для встрѣчи возвращавшейся изъ Таганрога вдовствующей императрицы Елисаветы Алексѣевны; но послѣдняя, достигнувъ только до города Бѣлева Тульской губерніи, переселилась въ вѣчность, недождавшись свиданія съ матерью. Тѣло ея изъ Бѣлева препровождено было въ Петербургъ черезъ Можайскъ, куда и императрица Марія Ѳеодоровна отправилась; сюда же прибылъ и архіепископъ московскій и служилъ въ присутствіи ея величества заупокойную обѣдню, послѣ которой сказывалъ надгробное слово. Императрица Марія Ѳеодоровна изъ Можайска возвратилась въ Москву и до пріѣзда императора оставалась въ окрестности Москвы въ селѣ Влахернскомъ, принадлежащемъ князю Сергію Михайловичу Голицыну.

Приближалось время коронаціи; много стало съѣзжаться архіереевъ; надобно было нашему владыкѣ всѣхъ удобно размѣстить, и сдѣлать разныя распоряженія касательно коронаціонной церемоніи въ Успенскомъ соборѣ. Насталъ

и 22 день августа, назначенный для коронаціи. Чтобы не опоздать въ кремль, въ который позже 5 часовъ утра уже не пропускали, я отправился туда наканунѣ того дня; всенощное бдѣніе слушалъ въ Архангельскомъ соборѣ, и ночевалъ въ царскихъ теремахъ; раннюю обѣдню слушалъ въ Чудовѣ монастырѣ, и потомъ отправился на мѣста устроенныя рядомъ съ Архангельскимъ соборомъ для зрителей; отсюда виденъ былъ выходъ съ Краснаго крыльца царской фамиліи. Прежде проходила вдовствующая императрица Марія Ѳеодоровна подъ глазетовымъ балдахиномъ, а спустя нѣсколько времени и императоръ Николай Павловичъ съ императрицею Александрой Ѳеодоровною и вся царская фамилія шествовали. Коронованіе совершалъ митрополитъ новгородскій и петербургскій Серафимъ; нашъ же владыка въ сей день пожалованъ былъ митрополитомъ и не прежде возложилъ на себя бѣлый клобукъ, какъ отпесъ оный въ Чудовъ монастырь, положилъ его въ раку святителя Алексія, и какъ бы отъ него принялъ оный и возложилъ на себя. Въ сей же день поздравлялъ я и князя Сергія Михайловича, получившаго Александровскую ленту.

По возвращеніи изъ Успенскаго Собора императоръ съ императрицею въ коронахъ и порфирахъ проходили мимо насъ въ Архангельскій соборъ для прикладыванія къ образамъ и мощамъ; отсюда заходили въ Благовѣщенскій соборъ, и чрезъ Красное крыльцо пошли въ грановитую Палату къ обѣду. Для зрителей, въ числѣ которыхъ былъ я, устроенъ былъ балконъ у окна Грановитой Палаты, съ котораго очень хорошо было видно, какъ государь съ обѣими императрицами въ коронахъ и порфирахъ на тронѣ изволили кушать. Въ то же время за накрытыми столами сидѣли всѣ приглашенные; одни только великіе князья цесаревичъ Константинъ Павловичъ и Михаилъ Павловичъ не садились за столъ, а ходили во время обѣда; я видѣлъ, какъ императоръ всталъ и, держа въ рукахъ бокалъ, взглянулъ на тайникъ и пилъ здоровье великихъ княженъ, находившихся въ ономъ для смотрѣнія церемоніальнаго обѣда. Государь очень усталъ и торопилъ скорѣе окончить обѣдъ, такъ что едва успѣвали подать одно блюдо, какъ тотчасъ отнимали и начинали подавать другія. За обѣдомъ я первый разъ увидѣлъ графа Сперанскаго. Вечеромъ городъ весь и Иванъ Великій великолѣпно были иллюминованы. Государь съ государынею и со всею царскою фамиліею прокатывались по городу, улицы были переполнены народомъ. Нѣсколько дней празднества продолжались;

для простаго народа было угощеніе на Дѣвичьемъ полѣ; при дворѣ и у многихъ были балы.

Митрополитъ Серафимъ имѣлъ пребываніе въ Новоспасскомъ монастырѣ; однажды я встрѣтилъ у него митрополита Кіевскаго Евгенія, съ которымъ тутъ познакомился. Наконецъ наступило время государю со всею царскою фамиліею отправиться въ Сергіеву Лавру, куда за нѣсколько дней предъ тѣмъ для встрѣчи ихъ тамъ отправился и митрополитъ Московскій; туда же я поѣхалъ; это было предъ праздникомъ дня преподобнаго Сергія; по пріѣздѣ въ Лавру посѣтилъ я митрополита; онъ меня принялъ не въ своемъ домѣ, который приготовленъ имъ былъ для помѣщенія вдовствующей императрицы, а въ кельяхъ отца ризничаго; императору же съ супругою приготовлено было помѣщеніе въ академіи. Между прочимъ я сказалъ владыкѣ, что въ день преподобнаго Сергія я постоянно бывалъ въ Троицкомъ соборѣ, а нынѣ лишенъ буду сего утѣшенія, потому что со мною нѣтъ мундира, безъ чего въ присутствіи государя въ соборъ не пропустятъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ: „если желаете быть, то могу я къ вамъ прислать своего человѣка, который проведетъ васъ въ алтарь, черезъ что вы не лишитесь удовольствія праздновать день преподобнаго Сергія близь его мощей“. На другой день дѣйствительно владыка прислалъ своего служителя, который меня проводилъ въ алтарь, откуда мнѣ удобно было видѣть, какъ на правомъ клиросѣ, обитомъ парчею, помѣстились обѣ императрицы и императоръ; подлѣ него стоялъ хоръ пѣвчихъ, и государь подпѣвалъ имъ. Великій же князь Михаилъ Павловичъ съ великою княгинею Еленой Павловной стояли на лѣвомъ клиросѣ. По возвращеніи въ Москву и по окончаніи всѣхъ празднествъ государь изволилъ со всею царскою фамиліей и со всѣмъ дворомъ отправиться въ Петербургъ.

Не помню когда именно, но знаю, что въ одну изъ субботъ случилось мнѣ быть у владыки, какъ это и всегда бывало, у всенощной въ домовой его церкви; по окончаніи всенощной заходилъ къ нему, и просидѣвъ у него довольно долго, спросилъ его: а гдѣ вы завтра изволите служить? Онъ отвѣчалъ мнѣ, что будетъ служить въ селѣ Черкизовѣ, гдѣ будетъ освящать престолъ,—и притомъ спросилъ меня: а вы пріѣдете ли туда? Я отвѣчалъ: ежели вы будете тамъ говорить слово, то пріѣду, а если нѣтъ, то не буду. На сіе онъ сказалъ мнѣ, что онъ къ тому не приготовлялся, а потому и говорить не будетъ.

Послѣ сего я еще оставался довольно долго и не прежде 10 часовъ съ нимъ простился. На другой день вечеромъ прихожу я къ нему, и онъ улыбаясь встрѣтилъ меня съ сими словами: „А что же, милостивый государь, — приказали вы мнѣ сказать проповѣдь, а сами и не пріѣхали?“— Какъ же могъ я ожидать сіе, отвѣчалъ я ему, послѣ того какъ вы изволили сказать мнѣ, что говорить не будете?— „Да я и точно не былъ намѣренъ говорить, сказалъ онъ мнѣ, и приготовлялся уже ко сну, но никакъ не могъ заснуть; мысль о вопросѣ вашемъ: буду ли я говорить, меня не оставляла, и я рѣшился встать и написать слово, послѣ чего я и могъ уснуть“. Изъявилъ я удивленіе къ такой его способности, и тогда разсказалъ онъ мнѣ, что когда онъ былъ Тверскимъ архіепископомъ, то въ пріѣздъ туда изъ Петербурга на короткое время, служилъ тамъ тринадцать дней сряду, и при каждомъ служеніи говорилъ безъ приготовленія; что тогда проповѣди его бывали продолжительнѣе тѣхъ, которыя имъ были писаны, потому что во время сказыванія безъ приготовленія рождались новыя мысли и новыя разсужденія.

Однажды за нѣсколько дней до дня ангела его былъ я у него и зная, что въ сей день онъ всегда уѣзжалъ на Перерву, просилъ я секретаря его Александра Петровича Святославскаго въ сей день принести ему отъ меня поздравленіе, присовокупивъ къ тому, что я желалъ бы и самъ для сего пріѣхать на Перерву, но не знаю, понравится ли ему это, потому что, уѣзжая изъ Москвы, вѣроятно, онъ не желаетъ принимать поздравленій, слѣдственно и думать не слѣдуетъ его преслѣдовать, на что секретарь отвѣчалъ: „конечно такъ, сударь, но вамъ-то онъ будетъ радъ;“ почему 1-го декабря и отправился я къ владыкѣ на Перерву. Онъ меня ласково принялъ. Изъ свѣтскихъ гостей никого у него не встрѣтилъ, были только архіереи и нѣсколько архимандритовъ; посидѣвъ у него нѣсколько времени, подошелъ я къ нему, чтобы принять отъ него благословеніе и проститься съ нимъ; тогда онъ всталъ, взялъ меня за руку и сказалъ мнѣ: *да не како ослабѣютъ на пути*, и хотя не договорилъ: *не отпустимъ ихъ не ядшихъ*, но понятно было, что онъ не хотѣлъ отпустить безъ обѣда, и такимъ образомъ провелъ я у него день очень пріятно.

Какъ-то случилось мнѣ быть у него вмѣстѣ съ семействомъ Нарышкиныхъ. Онъ объявилъ намъ, что на дняхъ отправляется въ Лавру; тогда Нарышкины начали упраши-

вать заѣхать къ нимъ въ деревню, находящуюся близъ Троицкой дороги, на что онъ изъявилъ согласіе; а какъ онъ зналъ, что и моя деревня находится по близости отъ нихъ, то сказалъ: „а Михаилъ Михайловичъ меня къ себѣ не приглашаетъ?“ Я сказалъ ему, что только потому не приглашалъ его, что не смѣлъ его симъ безпокоить, но почелъ бы за счастіе, ежели бы онъ и меня посѣтилъ; на что онъ отвѣчалъ, что онъ съ удовольствіемъ бы пріѣхалъ и ко мнѣ, только не будетъ умѣть меня отыскать; тогда я просилъ его о семъ не заботиться и сказалъ, что мною высланъ будетъ верховой въ село Мытищи, который проводитъ его по прекрасной дорогѣ не далѣе 5 верстъ. Въ назначенный день посланный мною въ Мытищи человѣкъ проводилъ его въ село Болшево, гдѣ и я встрѣтилъ его при церкви со множествомъ собравшагося народа. Осмотрѣвъ церковь, онъ прибылъ ко мнѣ въ домъ, и при входѣ въ первую комнату сказалъ: *Миръ дому сему и всѣмъ живущимъ въ немъ.* Тутъ я его познакомилъ съ матушкой моею и сестрою. Онъ вышелъ на балконъ, долго любовался прекрасными видами и сказалъ: это мѣсто живописное. Послѣ поданнаго чаю, просилъ я его остаться завтракать, но онъ не согласился, сказавъ мнѣ, что такимъ образомъ онъ не успѣетъ въ тотъ день пріѣхать и въ Лавру, потому что надобно еще заѣхать и къ Нарышкинымъ, куда онъ отъ меня и отправился. Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ я къ нему въ Лавру благодарить его за посѣщеніе меня, засталъ его прогуливающагося по своей террасѣ; онъ сказалъ мнѣ: „хотя ваше мѣстоположеніе и весьма красиво, но я не промѣнялся бы съ вами, потому что остаюсь и своимъ очень доволенъ.“

Въ 1830 году священникъ церкви Троицы, что на Капелькахъ, съ причтомъ и съ прихожанами начали просить меня, чтобы я согласился быть при сей церкви старостою, потому что въ ихъ приходѣ не находится никого, кто бы могъ занять сію должность. Такъ какъ церковь пришла въ такую ветхость, что необходимо нужно было приступить къ постройкѣ, я отказывался отъ принятія на себя этой обязанности, да и домъ мой былъ въ другомъ приходѣ; несмотря на сіе они успѣли меня уговорить, но прежде окончательнаго изъявленія на то согласія, я сказалъ, что считаю нужнымъ переговорить о семъ съ владыкою. Владыка сказалъ мнѣ, что церковнымъ старостою можетъ быть принадлежащій къ другому приходу; но когда объяснилъ я ему, что есть другое обстоятельство, которое

страшитъ меня принять должность старосты, а именно то, что немедля должно будетъ приступить къ строенію, потому что колокольня, находящаяся на стѣнѣ церковной, дала большую трещину, отъ чего оказывается въ сводѣ самой церкви трещина, почему необходимо будетъ сломать колокольню, выстроить ее отдѣльно, чтобы не допускать трещинѣ увеличиваться: тогда владыка сказалъ мнѣ, что онъ на другой же день передъ вечернею пріѣдетъ все сіе осмотрѣть. Это было 29 числа іюля наканунѣ приходскаго празднества въ честь Іоанна Воина; во всѣхъ церквахъ давно начались вечерни и нашъ священникъ хотѣлъ начинать вечерню, полагая, что по случаю дождя владыка не пріѣдетъ, хотя я и увѣрялъ его въ противномъ; и только что начали вечерню, какъ онъ пожаловалъ, такъ что я одинъ вынужденъ былъ его встрѣчать. Онъ прошелъ прямо въ алтарь и по окончаніи уже службы началъ все осматривать, что мною было указано. Онъ согласился, что опасенія касательно непрочности церкви справедливы, и что немедля надобно приступить къ строенію. Въ это самое время пошелъ такой сильный дождь, какого я никогда не запомню, и владыка уѣхалъ. На другой день, когда явился я къ нему благодарить его за принятое имъ безпокойство, онъ улыбаясь встрѣтилъ меня такими словами: „здравствуйте, господинъ староста иже на Капелькахъ; только, когда возвращался я отъ васъ домой, на меня не по капелькамъ лилъ дождь, а какъ изъ ушата“. Послѣ того сталъ спрашивать: сколько же для строенія есть у васъ церковныхъ денегъ? и когда сказалъ я ему, что есть только четыре тысячи ассигнаціями, то возразилъ мнѣ: какъ же съ такой незначительной суммой вы хотите приступить къ тому? Я отвѣчалъ, что нужно только начать, а тамъ и помогутъ, чему много было примѣровъ: надѣюсь на милость Божію. Онъ сказалъ: „ну ежели надѣетесь на милость Божію, то приступайте къ дѣлу“. Тогда же я просилъ его дать мнѣ сборную книгу, и хотя онъ не охотно таковыя выдавалъ, особенно для московскихъ церквей, но видя, что я прошу по необходимости, мнѣ въ томъ не отказалъ. По прошествіи года не могъ я всего строенія окончить, такъ какъ оказалось много еще новыхъ непредвидѣнныхъ построекъ и денегъ на приведеніе къ окончанію всего много еще не доставало; тогда просилъ я владыку еще на годъ дозволить продолжать сборъ по книгѣ, на что онъ, видя много недостатковъ, вторично изъявилъ согласіе. Но и новыя пожертвованія оказались недостаточны. Въ алтарѣ

большой церкви оказалась новая трещина, а жертвователи давали деньги съ тѣмъ условіемъ, чтобы сдѣланъ былъ новый придѣлъ во имя святителя Митрофана; притомъ колокольня мною затѣяна довольно высокая и на новый колоколъ къ ней въ 215 пудъ употреблено было девять тысячъ рублей ассигнаціями; нужно было также сдѣлать новую ограду, ибо старая совсѣмъ развалилась. Священникъ уговорилъ меня обратиться къ владыкѣ, который тогда находился въ Петербургѣ, съ новою просьбою о продолженіи еще на годъ сбора по книгѣ; просьба была послана и черезъ недѣлю была возвращена къ преосвященному викарію, съ таковою резолюціею: „Февраля 27. Преосвященный, призвавъ священника, вразумитъ его о слѣдующемъ: что сборныхъ книгъ просятъ только рѣдкія изъ московскихъ церквей, и рѣдко, по крайнимъ нуждамъ; что если легко давать книги просящимъ по произволу, то сборщиковъ будетъ болѣе подавателей; что скудость пособій надобно было предвидѣть, а потому не предпринимать многаго лишняго, напримѣръ высокой колокольни, коея высота не служитъ ко спасенію; что послѣ того, какъ снисходительно дана книга и еще снисходительно повторена, надлежало подумать, вводить ли во искушеніе себя и начальство новою просьбою о книгѣ съ такимъ притомъ забвеніемъ собственныхъ обязанностей, что на книгѣ не видно слѣда ни счета, ни обревизованія предписаннаго въ самомъ заглавіи книги; что священнику надлежало не на однѣ деньги устремлять глаза, но на правильность и чистоту дѣла. Впрочемъ господина старосту, за примѣрное попеченіе о своей должности, и необыкновенный успѣхъ въ благоустроеніи сей церкви весьма уважаемъ, и благодаримъ, и многое ему отъ Бога благословеніе призываемъ“.—Изъ подобной резолюціи владыки можно было усматривать, какой онъ былъ мастеръ похваляя дѣлать выговоры, которые до меня касались. По возвращеніи его изъ Петербурга въ Москву, явился я къ нему, и онъ встрѣтивъ меня съ улыбающимся лицомъ, сказалъ мнѣ: „вѣрно вы меня браните, что я не исполнилъ просьбы вашей“. Я отвѣчалъ: „прошу у васъ прощенія за безпокойство, которое я вамъ доставилъ“. Онъ сказалъ, что не бывало такого примѣра, чтобы три года сразу давать сборныя книги,—и просилъ извинить за сдѣланный отказъ.

Вскорѣ послѣ того новый придѣлъ во имя святителя Митрофана былъ готовъ, и я просилъ у него разрѣшенія

освятить; тогда спросилъ онъ меня: а кто же будетъ у васъ освящать? Я отвѣчалъ: „тотъ, кто отъ васъ назначенъ будетъ“. А развѣ вамъ не угодно будетъ, чтобы я освящалъ?—Напротивъ, отвѣчалъ я,—я очень бы желалъ сего, но не смѣлъ васъ безпокоить. Онъ сказалъ, что это его нисколько не можетъ обезпокоить и что онъ съ удовольствіемъ исполнитъ мое желаніе, и прибавилъ, что въ слѣдующее воскресенье, которое приходилось 9 декабря, онъ готовъ будетъ для сего. На вопросъ мой: кого изъ архимандритовъ прикажетъ онъ мнѣ пригласить на служеніе съ нимъ?—отвѣчалъ мнѣ, что выборъ сослужащихъ предоставляетъ мнѣ. При семъ просилъ я его послѣ освященія посѣтить меня, и остаться у меня кушать. Хотя онъ по обыкновенію рѣдко гдѣ оставался обѣдать, но далъ мнѣ слово исполнить мое желаніе. По окончаніи освященія и литургіи сказывалъ слово и пріѣхалъ ко мнѣ на обѣдъ; на другой день я ѣздилъ его благодарить и онъ остался оченъ доволенъ устройствомъ церкви.

Княжна Анастасія Михайловна Голицына и сестра ея Елизавета Михайловна Ермолова просили меня доставить владыкѣ портфель и записную книгу, что мною къ нему и было послано при письмѣ къ нему, на которое онъ тотчасъ мнѣ отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ: „Примите, милостивый государь Михаилъ Михайловичъ, посредство увѣрить княжну Анастасію Михайловну и Елизавету Михайловну Ермолову, что я съ благодарностію принимаю ихъ вещи—портефейль и книгу записную, чтобы имѣть утѣшеніе употреблять вещи, пришедшія изъ добрыхъ рукъ съ благословеніемъ. Благословеніе Божіе надъ вами, и, есть ли смѣю употребить слово друга, любы моя со духомъ вашимъ. Филаретъ митрополитъ Московскій. 1827, маія 22.“

Вскорѣ послѣ того митрополитъ вызванъ былъ въ Петербургъ для присутствованія въ Синодѣ; проводя его, я отправился въ Ростовъ, и по возвращеніи оттуда писалъ къ нему въ Петербургъ; на мое письмо онъ отвѣчалъ мнѣ слѣдующимъ: „Письмо ваше, милостивый государь мой Михаилъ Михайловичъ, не прощенія заслуживаетъ, а благодарности, которую и примите отъ меня за чувствованія любви и довѣренности, не моимъ достоинствомъ, но вашимъ сердцемъ вамъ внушенныя; и наипаче за молитву о мнѣ. Молитва другъ о другѣ есть лучшее изъ общеній. Несовершенства же молитвы должно по возможности исправлять, но не должно унывать отъ нихъ. Надобно разли-

чать дѣло молитвы отъ услажденія въ ней. Дѣло дѣлаетъ человѣкъ, и долженъ дѣлать постоянно и неослабно по правилу и порядку; а утѣшеніе даруетъ Богъ по благодати, когда то нужно для привлеченія, или подкрѣпленія человѣка, и когда человѣкъ принять оное можетъ. Подобнымъ образомъ и чувство собственной немощи не на то употреблять должно, чтобы тяготиться и унадать духомъ, но чтобы оставлять надежду на себя и чрезъ молитву о помощи переходить къ надеждѣ на Бога. Такъ Апостолъ сказываетъ Коринѳянамъ, что онъ не надѣялся остаться въ живыхъ, и сіе случилось для того, продолжаетъ онъ, *да не надѣющеся будемъ на ся, но на Бога возставляющаго мертвыя.* Потому и еще говоритъ: *благоволю въ немощахъ: егда немоществую, тогда силенъ есмь.* Всесильный Богъ да совершитъ спасительную силу свою и въ нашихъ немощахъ! Что вы долго не слышите обо мнѣ, удивляюсь; на другой день по пріѣздѣ увѣдомлялъ я о себѣ преосвященнаго викарія, съ тѣмъ чтобъ чрезъ то увѣдомить и прочихъ сотрудниковъ моихъ и воспоминающихъ обо мнѣ изъ паствы. Князю Сергію Михайловичу, княжнѣ Анастасіи Михайловнѣ и Елизаветѣ Михайловнѣ прошу свидѣтельствовать мое почтеніе. Къ нему я писалъ вчера. Портфейль оказался полезнымъ и въ дорогу и здѣсь. Записной книгѣ употребленіе предназначено. *Размышленія на Евангеліе,* съ тѣхъ поръ, какъ получены отъ князя Сергія Михайловича, находятся въ моей малой походной библіотекѣ. Пріятно употреблять вещи съ добрыми воспоминаніями. Прошу свидѣтельствовать мое почтеніе и Аннѣ Михайловнѣ Грессеръ. Она и другіе да простятъ мнѣ, что я по стѣсненію времени, уѣхалъ не простясь со многими, съ которыми желалъ проститься. Радуюсь, что графиня Анна Алексѣевна почтила гробъ отца Амфилохія. Помянувъ о ней, не могу умолчать, что ей встрѣтилось искушеніе, думаю, трудное. По учрежденію въ Юрьевѣ общежитія предписано,—ни настоятелю, ни братіи не принимать никого на духъ, безъ письменнаго позволенія отъ епархіальнаго архіерея. Распоряженіе не гласное, но не тайна, потому что уже дамы въ Петербургѣ говорятъ о семъ. Богъ да устроитъ все во благое. Только трудно бываетъ и потому жалко, когда переходятъ изъ крайности въ крайность. По моему мнѣнію, въ сношеніяхъ монашествующихъ съ мірскими всегда нужна великая осмотрительность, которая не въ томъ состоитъ, чтобы сегодня неограниченно дозволить, а завтра неограниченно запре-

тить. Желательно, чтобы графиня приняла сей случай съ христіанскимъ терпѣніемъ, не яко отъ человѣковъ, но яко отъ Бога; чтобы не спѣшила употреблять человѣческое противодѣйствіе, но съ молитвою и бдѣніемъ подождала мановенія Божія, которое бы указало путь изъ затрудненія къ безопасности и спасенію. Благословеніе Божіе Екатеринѣ Владиміровнѣ и Варварѣ Михайловнѣ! Я писалъ къ нимъ, имѣя долгъ отвѣтствовать; а что я не всегда платежный должникъ, прошу не прогнѣваться. Благословеніе Божіе Екатеринѣ Сергѣевнѣ, если можно ей передать сіе, ибо мнѣ думается, что она не въ городѣ. Пора кончить и съ вами бесѣду; мира душѣ вашей желаю. 1827 года іюня 11."

„Только вчера пришелъ на мѣсто конецъ моей свиты; завтра, есть ли Богъ благоволитъ, принесу къ здѣшнему алтарю память и объ отсутствующихъ".

Михаилъ Евреиновъ.

(Продолженіе будетъ.)

НѢКОТОРЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ О МИТРОПОЛИТѢ ФИЛАРЕТѢ [а].

Многіе находили, что проповѣди нашего владыки темны и недовольно понятны. Это дошло и до его слуха, и потому однажды онъ сказалъ мнѣ: „говорятъ, будто я пи-

(а) См. майскую и іюньскую книжки.

шу такъ темно, что меня не понимаютъ; а мнѣ кажется, что я очень просто пишу; что вы скажете о семъ?"—Я отвѣчалъ ему, что въ его проповѣдяхъ кромѣ свѣта ничего не вижу и что я всегда съ особеннымъ удовольствіемъ его слушаю. И дѣйствительно находя истинное услажденіе въ его проповѣдяхъ, я рѣдкой разъ пропускалъ случай слушать ,ихъ, развѣ тогда только, когда не зналъ, что онъ будетъ говорить. Особенно нравились мнѣ дѣлаемыя имъ уподобленія; напримѣръ въ одной изъ своихъ проповѣдей онъ такъ разсуждаетъ: „когда горитъ домъ, толпы народа бѣгутъ сражаться съ огнемъ за бревна и доски часто неизвѣстнаго хозяина. Но когда душа горитъ огнемъ злой страсти, похоти, ярости, злобы, отчаянія; также ли легко находятся люди, которые поспѣшили бы живою водою слова правды и любви угасить смертоносный огнь, прежде нежели онъ обнялъ всѣ силы души, и распространился до сліянія съ огнемъ геенскимъ?"—Въ другомъ словѣ говоритъ: „когда котелъ кипитъ на огнѣ: тогда не смѣютъ къ нему приблизиться, ни насѣкомое, чтобъ осквернить, ни наглое домашнее животное, чтобы похитить пищу, приготовляемую въ немъ для человѣка. Но когда снимется съ огня и остынетъ, тогда насѣкомыя роятся около него и падаютъ въ него, и наглый песъ можетъ приблизиться, осквернить, похитить. Подобно сему когда душа человѣка кипитъ огнемъ божественнаго желанія: сей духовный огнь служитъ ей въ одно время и силою для дѣйствованія и бронею для защиты. Но если небреженіе допускаетъ угаснуть сему огню, и благочестивое усердіе остываетъ: то суетные, лукавые, нечистые помыслы, родятся и роятся въ области чувственной, падаютъ въ глубину души и оскверняютъ ее, и можетъ притти наглая страсть, и расхитить въ душѣ, что въ ней уготовлялось для благоугожденія Богу."

Не умножая выписокъ, скажу, что всѣ тѣ, которые находили проповѣди владыки темными и неясными, лучше бы поступили, еслибы приняли на себя трудъ ближе познакомиться съ ними; они убѣдились бы, что нѣтъ въ нихъ ничего неяснаго и темнаго. Легко могло быть, что они никогда и не читали того, о чемъ разсуждали, а повторяли только слова тѣхъ, которые по зависти или нерасположенію къ проповѣднику осуждали его.

Въ 1827 году, я въ письмѣ ко владыкѣ жаловался на свою лѣность. На сіе онъ отвѣтствовалъ мнѣ слѣдующимъ письмомъ:

„Есть ли бы я повѣрилъ тому, что вы говорите о лѣности, то сказалъ бы вамъ: *иди ко мравію.* Но надѣюсь, что ненужно посылать васъ такъ далеко. Противъ нашей немощи, грѣховности, ничтожности есть безконечная благость и всемогущее милосердіе Божіе. А противъ лѣности Богъ положилъ нѣчто и въ насъ: ибо есть ли умѣемъ побѣдить лѣность и трудиться неутомимо и неусыпно для выгодъ мірскихъ, какъ можно часто видѣть на многихъ: то почему не возбудить себя къ подвигамъ для царствія небеснаго? А поколику возбуждаемся: Богъ и дѣло Свое намъ указуетъ и силу творить оное даруетъ, не такъ впрочемъ иногда, чтобы намъ тотчасъ видѣть и успѣхъ дѣла; но довольно, что не даетъ препятствіямъ и отчаянію побѣдить насъ. Впрочемъ домъ душевный, по большей части, строится подобно тому, какъ, по сказанію о церкви Кіевской Лавры: пока строили, она все была не много выше земли; а явилась вся, когда вся достроена.“

„Слушаюсь васъ съ избыткомъ. Вмѣсто одного посылаю два письма, и прошу доставить. Есть ли еще пришлется книжка: она принадлежитъ другу моему Алексѣю Кирилловичу Нарышкину. Князю Сергію Михайловичу, сестрицамъ его мое почтеніе и желаніе благословенія Божія. Благодати Спасителя нашего вручаю васъ, и миръ Его призываю. Филаретъ м. московскій 1827 г. іюня 30.“—Въ отвѣтъ на сіе письмо я написалъ между прочимъ владыкѣ: „Вамъ угодно было сравнивать мой душевный домъ съ церковію Кіевопечерской Лавры, но вѣрнѣе было бы сравнить оный съ храмомъ строющимся на Воробьевыхъ горахъ, котораго и начала еще не видно и будетъ ли оный построенъ, не извѣстно.“ Въ отвѣтъ на мое письмо владыкѣ угодно было почтить меня слѣдующимъ письмомъ:

„Благословеніе Отца небеснаго да будетъ надъ вами, Михаилъ Михаиловичъ! Болѣе двухъ мѣсяцевъ долженъ я вамъ отвѣтомъ. Простите меня. Не хочу согласиться съ вами въ сравненіи вашего душевнаго храма съ храмомъ на Воробьевыхъ горахъ. Здѣсь нѣтъ основанія, а въ васъ *основаніе*, которое по апостолу есть *Іисусъ Христосъ*, положено еще святымъ крещеніемъ. Надѣюсь, что вы нѣчто и построили: прочее да совершитъ по вѣрѣ вашей, Великій Зиждитель Богъ; по реченному: *Богъ же возрасти. Открый ко Господу путь твой, и той сотворитъ.*—О новопросвѣщенномъ Михаилѣ преосвященный оренбургскій отвѣчалъ мнѣ, что поручилъ его попеченію надежнаго священника; а оренбургскій генералъ-губернаторъ писалъ

не благопріятно. Дальнѣйшей помощи сему дѣлу не видно: помолимся о братѣ нашемъ Михаилѣ, да поможетъ ему Богъ или побѣдить по вѣрѣ, или претерпѣть съ вѣрою. Есть ли вамъ приведется оставить городъ, то съ Богомъ! А когда съ Богомъ будете, то не будете одиноки, и отъ тѣхъ, которые въ Немъ и ради Его любятъ васъ, не разлучитесь. Есть ли не по собственному произволу перемѣняете мѣсто, тѣмъ лучше, ибо тѣмъ вѣрнѣе по устроенію Божію. А куда ведетъ Богъ—добрый путь! Благодарю за сообщаемыя вами мнѣ воспоминанія добрыхъ людей. Да воспомянетъ ихъ Богъ въ милости и любви! Князю Сергію Михайловичу я также долженъ отвѣтомъ; да потерпитъ на мнѣ. Поклонитесь ему и его почтеннымъ сестрамъ. Богъ да благословитъ ихъ и вамъ писать останавливаюсь. Филаретъ м. московскій 1827. сент. 29".

Спустя нѣсколько дней послѣ дня моего ангела получилъ я отъ владыки изъ Петербурга слѣдующее письмо:

„Скажу вамъ, Михаилъ Михаиловичь, какъ праздновалъ день вашего ангела. Послѣ полудня надлежало праздновать у владыки (б). По сей причинѣ, по немощи ли, по лѣности ли, не хотѣлъ было я праздновать по-утру въ церкви. Но въ навечеріи сегодня получилъ я отъ В. М. письмо, въ коемъ изъявлено желаніе, и даже надежда, что я не отрекусь принести къ олтарю нѣкоторыя имена, въ томъ числѣ и ваше. Лѣности моей стало стыдно, и я благодарю добрыхъ людей, которые побудили меня исполнить долгъ, который и остальную часть праздника не воспрепятствовалъ провести безъ большаго утомленія.—Говорятъ, что князь Сергѣй Михаиловичь предпринимаетъ путь въ здѣшнюю страну моего пришельствія. Очень желаю его увидѣть. Не было ль бы притомъ хорошо, чтобы и вы ему сопутствовали, какъ прежде? Благословеніе Божіе вамъ и другимъ, въ которыхъ желаніе благословленія Божія знаю! Прилагаемое письмо прошу доставить. Филаретъ м. московскій 18 ноября 1827 года".

Извѣщалъ я владыку о болѣзни родительницы моей и о чувствуемомъ оттого безпокойствѣ. Владыка отвѣтствовалъ.

„Укрѣпляйтесь, Михаилъ Михаиловичь, вѣрою и надеждою на Бога, и покорности волѣ Его, всегда благой; и въ семъ да споспѣшествуетъ вамъ сердечная молитва. Сіи средства полезны вамъ и болящей родительницѣ вашей, а не безпокойство, которое васъ тяготитъ, а ее не облегчаетъ.

(б) Митрополита Серафима по случаю его ангела.

Хорошо, что ея леченіе начали вы божественнымъ врачествомъ, котораго дѣйствіе вѣрно, естьли и не очевидно.— Ходатайство ваше довольно поздно. Прежде покровительствуемой вами, я получилъ много просьбъ, и уже далъ имъ дѣйствіе. Потому при всей довѣренности къ вашему свидѣтельству, еще не знаю, что сдѣлать должно будетъ. Призываю милость Божію вамъ и родительницѣ вашей. Филаретъ м. московскій. 25 Апрѣля 1828 года".

Слѣдующее письмо было въ отвѣтъ на мое, коимъ увѣдомлялъ я его о приключившейся со мною болѣзни. „Благословеніе и милость Божія да будетъ съ вами, возлюбленный о Господѣ Михаилъ Михаиловичь! Благодарю, что вы и меня вспомнили съ добрымъ желаніемъ, и о себѣ меня извѣстили. Противъ одного слова спорю съ вами—противъ благодарности. Любовію мы съ вами должны другъ другу: благодарностію вы мнѣ не должны. Благодареніе Богу, что воздвигнулъ васъ отъ болѣзни. Не сомнѣваюсь, что вы скажете также: благодареніе Богу и за то, что болѣзнію посѣтилъ. Не безполено въ болѣзни испытать чувство отрѣшенія отъ міра, чтобы и послѣ болѣзни придерживаться сего чувства. Не удивительно, есть ли чувство сіе не такъ легко приходитъ послѣ болѣзни, какъ во время болѣзни; въ болѣзни Богъ даруетъ оное на потребу немощному, а въ здравіи требуетъ, чтобы онъ подвизался обрѣсти оное. Не унывайте, а подвизайтесь вѣрою и молитвою, терпѣніемъ и смиреніемъ."

„Князя Сергія Михаиловича давненько я не видалъ. На вопросъ предложенный ему у меня: когда его застать, онъ запретилъ мнѣ ѣхать къ нему. Третьяго дня во дворцѣ я его не встрѣтилъ, а только послѣ узналъ, что онъ былъ. Собираюсь или ѣхать, или послать къ нему: и все не могу. Вчера въ Сунодѣ былъ я съ трудомъ; сегодня въ совѣтъ Человѣколюбиваго Общества не въ силахъ былъ ѣхать. Вотъ вамъ образчикъ моего житья въ Петербургѣ. Княжну Анастасію Михайловну за воспоминаніе о мнѣ я благодарилъ, и еще теперь благодарю. Матушкѣ вашей и сестрицѣ прошу изъявить мою благодарность и желаніе благословенія Божія, котораго и вамъ паки и паки желаю. Филаретъ м. московскій. 28 декабря 1828 года".

Отъ 11 декабря 1829 г., получилъ отъ владыки слѣдующее письмо:

„Примите трудъ, милостивый государь Михаилъ Михаиловичь, доставить прилагаемое при семъ письмо. Мнѣ такъ сказано, что черезъ васъ надобно доставить. А я

радъ, имѣя случай сказать, что помню васъ съ любовію, и мира душѣ вашей искренно желаю."

Не помню, изъ-за какого дѣла возникло въ комитетѣ Человѣколюбиваго Общества разногласіе у владыки съ княземъ Сергіемъ Михайловичемъ. Князь по горячности своей не могъ ему высказать всего, что нужно было для объясненія дѣла, и съ нимъ въ томъ согласиться, почему просилъ меня съѣздить къ митрополиту и разсказать ему яснѣе сущность дѣла, что мною и было исполнено. Для того, чтобы виднѣе была истина, я сказалъ, что могу ему показать подлинную бумагу, относящуюся къ спорному дѣлу; но видно и я не совсѣмъ равнодушно съ нимъ объяснялся, о чемъ я узналъ изъ письма владыки къ В. М., которому онъ между прочимъ написалъ: „вчера у меня былъ Михаилъ Михайловичь, который принесъ мнѣ вечернюю зарю гнѣва достопочтеннаго князя Сергія Михаиловича". Черезъ день послѣ того при письмѣ моемъ къ владыкѣ представилъ я обѣщанную мною подлинную бумагу, и получилъ отъ него слѣдующій отвѣтъ:

„Покорнѣйше благодарю, милостивый государь Михаилъ Михайловичь, за разрѣшеніе моего сомнѣнія. Вы уже сдѣлали слишкомъ много: ваше слово равно было бы для меня удовлетворительно, какъ и чтеніе акта. Возвращаю оный и прошу отъ Господа мира и вамъ и всѣмъ, которые не вполнѣ обрѣтаютъ сіе благо. Филаретъ м. московскій".

Въ 1830 г., была въ Москвѣ первая холера,—она началась въ послѣднихъ числахъ сентября. Вотъ какъ узналъ я о томъ: пріѣхалъ я въ комитетъ Человѣколюбиваго Общества, въ которомъ былъ я непремѣннымъ членомъ; туда же прибылъ и президентъ нашъ князь Сергій Михайловичь Голицынъ; приказавъ затворить двери присутствія, чтобы никого постороннихъ тутъ не было, секретно объявилъ намъ, что въ Москвѣ появилась новая болѣзнь подъ названіемъ холеры, и что нужно принять мѣры къ заготовленію продовольствія для богадѣленныхъ домовъ, особенно для богадѣльни убѣжища бѣдныхъ, находящейся въ 20 верстахъ отъ Москвы, потому что есть слухъ, что Москву оцѣпятъ и не будутъ ни въ нее, ни изъ нея никого пропускать. Эта неожиданность всѣхъ насъ встревожила. Послѣ обѣда я отправился къ митрополиту, чтобы и отъ него узнать что-нибудь; прихожу къ подъѣзду его крыльца и вижу его карету, въ которой онъ отправлялся къ князю Димитрію Владиміровичу для нѣкоторыхъ совѣщаній; на крыльцѣ я встрѣтилъ выходящаго докто-

ра его Григорія Яковлевича Высоцкаго; на вопросъ мой о болѣзни, онъ только успѣлъ мнѣ отвѣчать: „ежели вамъ нужно поѣхать изъ Москвы, то поспѣшите нынче же выѣхать, а то Москву запрутъ“. Возвратясь домой я тотчасъ отправился къ Крестовской заставѣ, гдѣ встрѣтилъ множество народа, котораго уже не пропускали за заставу; тутъ же былъ остановленъ и экипажъ не помню какого архіерея, отправлявшагося въ новую свою епархію. Въ сей день прибылъ въ Москву и императоръ; когда ему доложили о томъ архіереѣ, онъ приказалъ его пропустить. Я, какъ непремѣнный членъ комитета и вмѣстѣ съ тѣмъ директоръ Набилковской богадѣльни и богадѣльни убѣжища бѣдныхъ, озаботился о томъ, чтобы смотритель этой послѣдней богадѣльни, находившійся въ то время въ Москвѣ, искупилъ все, что было нужно, для продовольствія бѣдныхъ; онъ сдѣлалъ всѣ нужныя покупки, но донесъ мнѣ, что изъ Москвы его не пропускаютъ съ заготовленнымъ имъ продовольствіемъ. Зная, что ежели его не пустятъ, то бѣдные живущіе тамъ могутъ умереть съ голоду, поспѣшилъ я донести о томъ кн. Сергію Михайловичу; князь тотъ же часъ поѣхалъ къ государю, который изволилъ разрѣшить ему пропускъ.

Михаилъ Евреиновъ.

(Продолженіе будетъ.)

НѢКОТОРЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ О МИТРОПОЛИТѢ ФИЛАРЕТѢ [б].

Первая холера многихъ напугала, потому что дѣйствительно много людей умирало; каждодневно извѣстіями о

(а) изъ *Дух. Бесѣды*, № 30.
(б) Продолженіе.

томъ наполнялись афиши; многіе закупорились въ своихъ домахъ, но храмы наполнялись молящимися и всѣ спѣшили говѣть и пріобщаться св. Таинъ. Благодаря Бога, я не пугался и жилъ довольно спокойно, употреблялъ пищу такую же какъ и прежде, и въ здоровьи перемѣны не чувствовалъ. Посѣщалъ иногда князя Сергѣя Михайловича и митрополита, у которыхъ въ сѣняхъ ставили какія-то предохранительныя средства, и прежде нежели взойти къ нимъ въ комнаты, надобно было умывать руки уксусомъ, по предписанію гг. докторовъ.

Екатерина Владиміровна Новосильцева находилась въ это время въ своей подмосковной, въ селѣ Отрадѣ. Она не столько страшилась смерти, сколько того, что ежели она окончитъ тамъ жизнь, то тѣла ея не пропустятъ въ Новоспаскій монастырь для погребенія рядомъ съ покойнымъ ея сыномъ, котораго она такъ много любила; по сему случаю она просила пріятельницу свою В. М. Нарышкину передать сію заботу ея владыкѣ и попросить его, чтобы убѣдилъ г. губернатора въ случаѣ смерти ея дозволить провести ея тѣло въ Москву. Владыка отвѣчалъ Нарышкиной: „Напишите Екатеринѣ Владиміровнѣ, что я принимаю ея порученіе, чтобы облегчить ее отъ заботы о Новоспаскомъ, и дать ей свободу заботиться о томъ, что болѣе на потребу. А если Богъ такъ устроитъ, что ей послѣ меня, а не мнѣ послѣ ея можно будетъ исполнять порученія, то я прошу ее просить мнѣ сколько нибудь мирнаго мѣста тамъ, куда здѣшній градоначальникъ ни запретитъ, ни открыть пути не можетъ.“

Въ холерное время, я его какъ-то посѣтилъ; хотя въ тотъ день онъ чувствовалъ себя нездоровымъ и никого не принималъ, но меня приказалъ пустить и принялъ въ своей спальнѣ, въ которой было слишкомъ жарко. Между прочимъ сказалъ онъ мнѣ: „угадайте, кто у меня нынче былъ“? Я отвѣчалъ ему: „такъ какъ много есть людей, которымъ онъ дозволяетъ имѣть эту честь, то мнѣ трудно будетъ угадать, кто именно.“ Тогда объявилъ онъ мнѣ, что къ нему пріѣзжалъ графъ Петръ Александровичъ Толстой, которому государь императоръ поручитъ изволилъ передать владыкѣ, что ежели онъ желаетъ говорить проповѣди, то не говорилъ бы подобныхъ послѣдней имъ сказанной. Владыка спросилъ меня: что вы находите въ ней? Я отвѣчалъ что сколько могу понимать, она мнѣ кажется прекрасною. При семъ непримѣтно было въ немъ никакого смущенія и онъ казался спокойнымъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ казался онъ мнѣ мнительнымъ особенно въ отношеніи къ здоровью; напримѣръ, сидя однажды въ своей гостинной вмѣстѣ со мною на среднемъ диванѣ, онъ сдѣлалъ мнѣ такой вопросъ: скажите мнѣ, все ли вамъ равно будетъ сѣсть на мое мѣсто, а мнѣ уступить ваше? Я отвѣчалъ ему: для меня совершенно все равно, только позвольте мнѣ спросить васъ, для чего угодно вамъ, сдѣлать таковое перемѣщевіе? „А вотъ для чего, отвѣчалъ онъ мнѣ, указывая на свою щеку: вчерашній день, у меня болѣла эта сторона отъ простуды, а какъ свѣтъ съ этой стороны отъ окна, то это можетъ имѣть вліяніе на больную сторону.“ Между тѣмъ мы сидѣли очень далеко отъ окна, потому что его гостиная очень глубока.—Когда я въ первый разъ пріѣхалъ въ Лавру по желѣзной дорогѣ, и объ этомъ сказалъ ему: то онъ спросилъ меня: ну что же вы чувствовали послѣ того? Я отвѣчалъ: „ничего кромѣ спокойствія и пріятности отъ скораго путешествія“. На что сказалъ онъ мнѣ: „а у меня, когда я пріѣхалъ въ Лавру по желѣзной дорогѣ, на другой день болѣла голова.“ Я замѣтилъ ему, что это могло случиться не отъ желѣзной дороги, а такъ заболѣла голова. „Нѣтъ, не такъ, сказалъ онъ мнѣ: я знаю это потому, что когда я возвращался въ Москву, также по желѣзному пути, тоже самое дѣйствіе повторилось; притомъ нахожу я болѣе пріятнымъ ѣхать въ экипажѣ, потому что всегда можно когда угодно остановиться, пройдти нѣсколько пѣшкомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ смотрѣть на богомольцевъ, которые съ такимъ усердіемъ стремятся къ святынѣ Лавры.“

Случалось мнѣ часто обѣдать у владыки въ Лаврѣ по окончаніи экзаменовъ академическихъ, также и въ Москвѣ приглашаемъ имъ былъ на обѣды во дни, когда онъ посвящалъ своихъ викаріевъ; тогда бывали большіе и великолѣпные обѣды, но во время ихъ онъ вкушалъ мало. Во дни праздниковъ преподобнаго Сергія въ Лаврѣ, когда я также приглашаемъ былъ въ трапезу къ соборному столу вмѣстѣ со многими посѣтителями, онъ не позволялъ дѣлать слишкомъ роскошнаго стола. Однажды случилось мнѣ сидѣть за этимъ столомъ съ нимъ рядомъ, конечно по его указанію,—и когда я сталъ хвалить украшенія трапезной церкви, т.-е. лѣпную работу въ ней, во вкусѣ *Рококо*, тогда спросилъ онъ меня: а знаете ли вы, почему этотъ вкусъ названъ *Рококо*? И когда я отвѣчалъ, что не знаю, то онъ разсказалъ мнѣ: „французскій король Людовикъ XIV отдѣлалъ свой дворецъ въ этомъ вкусѣ, и

захотѣлъ показать его своей бывшей кормилицѣ старухѣ, выжившей изъ ума; показывая ей, спросилъ ее, хорошо ли это? тогда она, окинувъ глазами все это украшеніе, сказала: *Рококо*,—слово, котораго не существовало,—и съ того времени вкусъ сей не иначе стали называть какъ рококо". Какъ-то случилось мнѣ обѣдать у владыки въ Москвѣ съ двумя архимандритами симоновскимъ Мельхиседекомъ и новоспаскимъ Аполлосомъ. Первый не переставалъ говорить во время всего стола, и болѣе всего превозносилъ свою колокольню, увѣряя, что не только во всей Россіи, но и во всей Европѣ нѣтъ подобной; послѣдній потупясь все молчалъ, а владыка только улыбался, и наконецъ сказалъ: „а чтоже новоспасскій архимандритъ не защищаетъ своей колокольни"? Тотъ на сіе ничего не отвѣтствовалъ, а я вмѣсто его сказалъ: „Я думаю, что отецъ архимандритъ потому не защищаетъ своей колокольни, что она сама себя защищаетъ". Тогда владыка сказалъ: замѣчаніе ваше весьма справедливо. Еще какъ-то послѣ обѣдни въ Чудовѣ монастырѣ, которую служилъ митрополитъ, зашли къ нему многіе въ его здѣшнюю келью на закуску; вѣроятно владыка очень усталъ, а потому не начиналъ еще разговора; тотъ же симоновскій архимандритъ позволилъ себѣ начать разговоръ и сказалъ: „а у меня вчера былъ принцъ Ольденбургскій",—на что митрополитъ спросилъ у него: о чемъ же вы поговорили? Архимандритъ отвѣчалъ: я у него спросилъ: правда ли, ваше императорское высочество, что вы къ намъ въ Москву назначаетесь генералъ-губернаторомъ?" „Ну что же онъ тебѣ отвѣчалъ"? спросилъ его митрополитъ. „Онъ мнѣ сказалъ, что онъ этого не знаетъ". „Ну вотъ то-тоже, сказалъ владыка: русская то пословица справедлива: ѣшь пирогъ съ грибами, а языкъ держи за зубами". Въ другой разъ на подобной же закускѣ, разговоръ коснулся какой-то иконы, вовсе потемнѣвшей, такъ что изображеніе на ней трудно было разобрать. Находившійся тутъ же И. М. Снегиревъ сказалъ: „я думаю, владыка, что она потемнѣла отъ прикосновенія нашихъ нечистыхъ устъ",—а митрополитъ прибавилъ: „и отъ сквернаго языка",—зная, что сей собесѣдникъ былъ на языкъ не всегда воздержень.

Однажды послѣ вечерни сказали мнѣ, что митрополитъ ѣдетъ по Мѣщанской улицѣ, на которой былъ мой домъ, и что экипажъ его повернулъ въ переулокъ; я догадался, что онъ ѣдетъ въ церковь Набилковской богадѣльни для осмотра ея; а какъ я тогда былъ директоромъ этой бога-

дѣльни, то и поспѣшилъ туда черезъ свой садъ и находящуюся тутъ рощу, чтобы его встрѣтить и провожать. По осмотрѣ церкви, которою онъ остался очень доволенъ, хотѣлъ онъ ѣхать домой; но я, зная, что онъ часто любилъ прогуливаться, предложилъ ему пройдти рощею и моимъ садомъ, съ тѣмъ чтобы карета его пріѣхала за нимъ ко мнѣ въ домъ, на что онъ и изъявилъ согласіе. Проходя рощею и замѣтя построенную тамъ Іордань, спросилъ меня: „что это у васъ построено“? Я ни мало не смутясь отвѣчалъ ему, что „это Іордань, на которую въ извѣстные дни выходимъ для освященія воды“. Этого безъ особеннаго дозволенія дѣлать не слѣдовало; однако онъ промолчалъ тогда, а послѣ, когда я уже не былъ тамъ директоромъ, приказалъ ее снять, потому что вода, надъ которою была Іордань, была не проточная. Изъ рощи пришелъ ко мнѣ въ садъ, довольно долго сидѣлъ у меня на террасѣ, хвалилъ мой садъ и сказалъ: „все это у васъ хорошо, только все побарски: одни цвѣты“; а когда я ему сказалъ, что кромѣ цвѣтовъ у меня болѣе ста плодовыхъ деревьевъ, тогда онъ сказалъ: „ну вотъ это хорошо“, и, осмотрѣвъ мой домъ, уѣхалъ, отказавшись отъ чая, опасаясь простудиться.

Однажды пришелъ я къ нему и засталъ его съ книгою въ рукахъ. Онъ спросилъ меня: „Знаете ли вы, что я теперь читаю? Это рукописныя письма покойнаго митрополита Платона къ преосвященному Гавріилу митрополиту С.-Петербургскому, очень любопытныя; если желаете, то я вамъ ихъ нѣсколько прочту“. Я благодарилъ его за милостивый его вызовъ и сказалъ, что много мнѣ симъ доставитъ удовольствія. За чтеніемъ писемъ слѣдовалъ разговоръ о покойномъ митрополитѣ Платонѣ, о его времени. Владыка разсказалъ, какъ онъ учился въ Лаврѣ, какъ скудно было тогда содержаніе учениковъ. „Часто бывало въ классахъ очень холодно, потому что жалѣли дровъ; митрополитъ Платонъ часто приходилъ на лекціи, самъ зябнулъ и говорилъ имъ: *въ поученіи моемъ разгорится огнь*. Когда потребовали меня по постриженіи въ Петербургъ,—продолжалъ владыка,—и митрополитъ Платонъ, не желая меня отпустить, спросилъ меня: имѣешь ли ты желаніе отправиться въ Петербургъ? тогда отвѣчалъ я ему, что желанія сего я не имѣю. „Ежели не имѣешь, сказалъ онъ мнѣ, то подай прошеніе—напиши, что желаешь остаться здѣсь“. Я отвѣчалъ ему, что я подалъ одно прошеніе о постриженіи, и послѣ такого прошенія не могу подавать никакого, потому что первымъ отрекся отъ своей воли. Между

тѣмъ изъ Петербурга настоятельно меня требовали, и такимъ образомъ надобно было отправиться. По пріѣздѣ туда, назначили мнѣ преподавать предметъ, съ которымъ я самъ былъ мало знакомъ, такъ что я самъ съ вечера долженъ былъ учиться, а на утро то преподавать; слѣдовательно въ одно время я учился и училъ". И многое владыка мнѣ разсказывалъ о своемъ петербургскомъ житьѣ и о митрополитѣ Амвросіѣ, котораго считалъ своимъ благодѣтелемъ. Сожалѣю очень, что я многаго изъ его разсказовъ не записывалъ тогда, а теперь, по прошествіи слишкомъ сорока лѣтъ, все это вышло изъ памяти.—Рѣдко можно было заставать его одного, такъ какъ многіе часто его посѣщали, и тогда разговоръ дѣлался общимъ, а потому не столько любопытнымъ, какъ онъ самъ о чемъ разсказывалъ. Между прочими встрѣчалъ я у него иногда четырехъ сестеръ, которыя мало допускали его говорить, будучи сами охотницы говорить, и часто слова его перебивали. Какъ-то онѣ къ нему пріѣхали и говорятъ: „какъ мы жалѣли, преосвященный, что не знали, что вы служили въ Архангельскомъ соборѣ и говорили проповѣдь"! Владыка отвѣчалъ имъ: „о чемъ же жалѣть"? „Какъ же не жалѣть, вѣдь вы россійскій Златоустъ". Владыка, помолчавъ не много, спросилъ ихъ: „скажите пожалуста, кто васъ прислалъ меня искушать? А я сейчасъ читалъ книгу Златоуста". Потомъ владыка развернулъ эту книгу и прочелъ имъ что-то изъ нея. Примѣтно было, что онъ не охотно ихъ принималъ, и дѣлалъ сіе для того, чтобы отказомъ не огорчить ихъ. Бывало когда доложатъ, что онѣ пріѣхали, то онъ задумается и скажетъ: проси. Какъ-то А. Н. М. спросилъ владыку: „скажите пожалуста, владыка, гдѣ вы ихъ откопать могли?" Тогда владыка отвѣчалъ: „онѣ мнѣ достались по наслѣдству послѣ покойнаго митрополита Платона, и какъ-то умѣли себя пристроить къ московской іерархіи". Впрочемъ онѣ были дѣвицы очень добрыя. Еще встрѣчалъ я у него бывшую въ Алексѣевскомъ монастырѣ игуменью Назарету Васильевну Гладкову, которая съ собою привозила монахиню Шкурину, бывшую прежде фрейлиною императрицы Екатерины. Шкурина часто упоминала о дворѣ, что, примѣтно, владыкѣ въ монахинѣ, отрекшейся отъ міра, не совсѣмъ нравилось. Въ гостиной его пробили часы; по этому случаю г-жа Шкурина вспомнила о часахъ бывшихъ во дворцѣ, и сказала, что каждый разъ, какъ надлежало имъ бить, появлялся изъ нихъ пѣтухъ, махалъ крыльями и кричалъ по пѣтушиному столько разъ, сколько

показывали часы. На сіе митрополитъ сказалъ: „это такъ было давно, что этотъ пѣтухъ вѣрно съ тѣхъ поръ уже охрипъ“.—Еще: сижу я однажды съ нимъ на диванѣ; докладываютъ ему, что пріѣхала новодѣвиченская игуменья, по фамиліи Якушкина, почтенная старушка; я хотѣлъ встать, чтобы уступить ей свое мѣсто, а онъ мнѣ тихо сказалъ: „оставайтесь на своемъ мѣстѣ“; а она сѣла поодаль на кресла. Благословивъ только ее, онъ продолжалъ начатый со мною разговоръ и, окончивши его, спросилъ ее: ну что у тебя дѣлается въ монастырѣ? И поговоривъ съ нею нѣсколько, опять продолжалъ мнѣ что-то разсказывать. Въ другой разъ я къ нему пришелъ, и онъ сказалъ мнѣ, что сегодня у него болятъ уши. На сіе сказалъ я ему: вѣроятно вы сегодня выѣзжали и какъ-нибудь застудили. „Нѣтъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, это отъ того, что у меня битыхъ два часа сидѣлъ В. М., который не переставалъ говорить“. Дѣйствительно сей человѣкъ любилъ переливать изъ пустаго въ порожнее, потому не мудрено, что ушамъ владыки сильно досталось, и было отъ чего заболѣть.

Михаилъ Евреиновъ.

(Окончаніе будетъ).

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

СЕНТЯВРЬ. 1870.

НѢКОТОРЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ О МИТРОПОЛИТѢ ФИЛАРЕТѢ [а].

Нѣкогда сидя подлѣ владыки на креслахъ и разсказывая ему о чемъ-то, положилъ я шляпу свою на полъ подлѣ себя. Онъ, замѣтя сіе, всталъ, взялъ мою шляпу, отнесъ ее къ столу, такъ что я не успѣлъ его удержать, и сказалъ мнѣ: „голова никогда не должна быть ниже ногъ.“

Желая похвалить какую-нибудь книгу, онъ говорилъ о сочинителѣ: это добросовѣстный писатель. Разсказывая ему о какомъ-то человѣкѣ, я сказалъ ему: „онъ человѣкъ не ученый, но очень начитанный“; тогда отвѣчалъ онъ: „да ежели начитанный, то стало-быть и ученый“.

Былъ я какъ-то въ Лаврѣ и, отъѣзжая домой, зашелъ къ владыкѣ проститься; я нашелъ у него и на крыльцѣ его и въ комнатахъ множество просителей, и потому, боясь его безпокоить, просилъ доложить ему, не позволитъ ли онъ мнѣ на одну минуту взойдти къ нему, чтобы принять на путь его благословеніе; онъ приказалъ просить. Просидѣвъ у него не болѣе пяти минутъ, всталъ я, чтобы проститься, а онъ не вставая съ своего мѣста сказалъ: „да дайте же наглядѣться на себя.“ Тогда я опять сѣлъ и счелъ неприличнымъ подниматься съ мѣста до тѣхъ поръ, пока самъ онъ всталъ, чтобы благословить меня.—Въ лаврскихъ его покояхъ во все время его управленія ничего не измѣнялось, все оставалось какъ было при митрополитѣ Платонѣ,—та же мебель и то же украшеніе, а въ Геѳсиманскомъ скиту совершенная простота была въ его кельяхъ.

Однажды наканунѣ дня преподобнаго Сергія, за всенощной, въ то время когда онъ на своемъ настоятельскомъ

(а) Окончаніе.

мѣстѣ читалъ житіе преподобнаго, какъ это всегда бывало,—кто-то заговорилъ; онъ тотчасъ пересталъ читать и довольно громко проговорилъ: кому угодно говорить, тотъ можетъ идти вонъ;— послѣ того наступила совершенная тишина.

Священникъ, пришедшій благодарить его за полученный имъ по его представленію орденъ, кланяясь ему говорилъ: владыко святый, я этого не заслужилъ,—на что онъ отвѣчалъ: если не заслужилъ, такъ заслуживай.

На одномъ академическомъ экзаменѣ, не помню по какому случаю, дѣло коснулось до слова *вѣдьма;* владыка спросилъ: а какъ въ мужескомъ родѣ назвать вѣдьму? Студентъ, къ которому относился этотъ вопросъ, задумался. Тогда владыка сказалъ: что же тутъ задумываться? женскаго рода *вѣдьма*, а мужескаго *вѣдунъ*, т.-е. *вѣдущій;* вѣдьмою названа отъ вѣдѣнія, отъ того, что будто она все вѣдаетъ.

Еще на одномъ экзаменѣ въ Москвѣ, въ казенномъ какомъ-то заведеніи, законоучитель задалъ воспитанникамъ такой трудный вопросъ, на который никто не могъ отвѣтить; видя ихъ затрудненіе, законоучитель вздумалъ этотъ вопросъ перемѣнить на другой. Тогда владыка остановилъ его и сказалъ: нѣтъ, если законоучитель завязалъ уже этотъ узелъ, то пусть онъ его и распутываетъ самъ. Послѣдній мялся и очень затруднялся какъ ему объяснить; тогда уже владыка помогъ ему въ его затрудненіи.

Помню, какъ Аграфена Ивановна Жадовская привезла слѣпую мать свою въ домовую церковь преосвященнаго, когда онъ служилъ обѣдню. По окончаніи обѣдни подвела ее ко владыкѣ, чтобы принять отъ него благословеніе; благословляя слѣпую, сказалъ онъ ей: *Свѣта духовнаго ищите, когда не имѣете видимаго.*

Разсказывалъ онъ мнѣ, какъ однажды затруднялся онъ въ рѣшеніи какого-то дѣла, бывшаго въ консисторіи. Чтобы узнать истину, онъ пригласилъ къ себѣ двухъ членовъ консисторіи, посадилъ ихъ въ разныя комнаты, и каждому изъ нихъ приготовилъ вопросы, на которые они должны были написать отвѣты. Изъ сопоставленія ихъ отвѣтовъ истина открылась во всей ясности, и дѣло рѣшено было безъ всякаго сомнѣнія, справедливымъ образомъ.

Покойный намѣстникъ Лавры, отецъ Аѳанасій, доносилъ ему о случившемся тамъ пожарѣ, во время котораго сгорѣла оранжерея, и о томъ, что отецъ экономъ очень плачетъ о семъ. Владыка отвѣчалъ намѣстнику: „скажите эко-

ному, чтобы онъ пересталъ плакать, потому что не хлѣбъ сгорѣлъ, а прихоть.“

Какъ-то князь Сергій Михайловичъ спросилъ у владыки: вѣрно вчера хоронили какого-нибудь священника, потому что довольно поздно вездѣ звонили? Митрополитъ отвѣчалъ ему: „нѣтъ, князь, это былъ звонъ для живаго мертвеца, возвращавшагося послѣ служенія.“

Былъ я свидѣтелемъ необыкновеннаго спокойствія духа преосвященнаго. Въ день празднованія иконы Владимірской Божіей Матери служилъ онъ литургію въ Срѣтенскомъ монастырѣ; во время херувимской пѣсни, въ ту самую минуту когда онъ отъ престола только-что успѣлъ дойти до жертвенника, чтобы отпустить св. Дары,—огромная оконная рама, находящаяся надъ самымъ жертвенникомъ, сорвалась и съ большимъ трескомъ стремглавъ упала, едва не коснувшись жертвенника; всѣ предстоявшіе и находившіеся въ алтарѣ ужаснулись. Одинъ владыка нисколько не смутился; никому ничего не сказавъ, началъ отпускать св. Дары и потомъ продолжалъ всю службу какъ будто ничего и не было, съ обыкновеннымъ спокойствіемъ, тогда какъ онъ передъ тѣмъ на волосъ отъ смерти находился.

Случилось мнѣ однажды просить владыку за одного діакона, подавшаго ему прошеніе на священническое мѣсто; онъ мнѣ отвѣчалъ, что теперь ничего сказать мнѣ не можетъ, не узнавши о его достоинствахъ, но увѣренъ, что я не прогнѣваюсь на него, ежели нельзя будетъ удовлетворить моей просьбы. Одинъ извѣстный и вамъ человѣкъ (владыка назвалъ его) прогнѣвался на меня, что я не могъ исполнить безтолковой его просьбы. Онъ просилъ меня произвести одного діакона во священники потому только, что у этого діакона домъ очень ветхъ.—Вотъ какое превратное понятіе о священствѣ, присовокупилъ онъ.

Бывало, иногда спросишь его: гдѣ завтра изволите служить? онъ иногда скажетъ—гдѣ, а въ другой разъ отвѣтитъ: надобно спросить Леонтія (это былъ іеродіаконъ, съ которымъ онъ обыкновенно служилъ),—тотчасъ пошлетъ за нимъ, и когда тотъ явится, то спроситъ его: а гдѣ намъ завтра служить? Леонтій, нимало не задумываясь, отвѣчаетъ: всего лучше въ Чудовѣ, владыко святый. Тогда онъ и скажетъ: ну, вотъ слышите: Леонтій приказываетъ въ Чудовѣ, тамъ и будемъ служить. Къ Леонтію онъ привыкъ, потому что сей долго при немъ находился. Онъ былъ хотя и добрый и простой человѣкъ, но подъ-часъ бывалъ

капризенъ, часто ссорился со всѣми живущими на подворьѣ, что̀ иногда доходило и до свѣдѣнія владыки. Однажды созвавши всѣхъ недовольныхъ имъ, владыка началъ поочередно спрашивать ихъ о причинѣ ихъ недовольства; подошедши къ своему иподіакону Александру Семеновичу, спросилъ и его: скажи пожалуй, не обижалъ ли тебя чѣмъ-нибудь Леонтій? Тотъ, любя говорить свысока, отвѣчалъ: „Ей Господи, даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія, и не осуждати брата моего, яко благословенъ еси во вѣки вѣковъ, аминь.“ Тогда владыка сказалъ: я тебя не молитву заставлялъ читать, а спрашивалъ тебя: не обижалъ ли тебя когда Леонтій?—Александръ Семеновичъ, поднявъ руки къ небу, отвѣчалъ: „владыко святый, ужь что я претерпѣлъ отъ отца Леонтія, это одному Богу извѣстно!“ Владыка обратясь къ о. Леонтію, сказалъ ему: „видишь ли,—всѣ на тебя жалуются,“—и сдѣлалъ ему надлежащее вразумленіе. Не помню, удалось ли владыкѣ исправить о. Леонтія, только о. Леонтій оставался при немъ до тѣхъ поръ, какъ уже не въ силахъ былъ долѣе служить. Онъ жилъ послѣ на покоѣ въ Чудовѣ монастырѣ.

Въ разговорѣ съ владыкою, кто-то, почему-то, замѣтилъ, что въ простомъ народѣ встрѣчаются много остроумныхъ людей; по этому случаю владыка разсказалъ, что когда онъ обозрѣвалъ церкви въ бывшей своей Тверской епархіи, случилось ему на пути завечерять. Встрѣтивъ идущаго крестьянина, приказалъ остановить его и подозвавъ его къ своей каретѣ, спросилъ его: что это за село, которое отсюда видно? Крестьянинъ отвѣчалъ ему, что это село *Доброе*. Тогда владыка спросилъ его: да есть ли тутъ добрые люди? Крестьянинъ отвѣчалъ ему: „ежели бы добрыхъ людей не было, такъ и село бы не стояло.“ „Видите, присовокупилъ владыка, какъ онъ умно отвѣчалъ; вмѣсто того чтобы мнѣ его чему поучить, онъ сдѣлался моимъ учителемъ.“—Тогда же владыка разсказалъ о разговорѣ митрополита Серафима съ крестьяниномъ. Серафимъ во время объѣзда епархіи такъ же остановилъ идущаго крестьянина и спросилъ его: „откуда шествуешь?“ Тотъ отвѣчалъ ему: изъ безгрѣшнаго города.—„Какъ изъ безгрѣшнаго города, когда ни одного человѣка нельзя назвать безгрѣшнымъ?“—„Какъ же не изъ безгрѣшнаго, отвѣчалъ крестьянинъ, когда у насъ въ городѣ ни въ чемъ грѣха не поставляютъ?“

Въ 1845 году переселился я въ подмосковную въ 20 верстахъ отъ Троицкой Сергіевой Лавры и хотя пріѣзжалъ

въ Москву, но всегда на короткое время, а потому рѣдко посѣщалъ владыку; когда же въ 1857 году переѣхалъ опять на житье въ Москву, о чемъ объявилъ ему, тогда онъ сказалъ мнѣ: „надѣюсь, что продолжите со мною знакомство“. Но какъ въ то время здоровье его сдѣлалось слабѣе и часто бывалъ онъ нездоровъ, то не позволялъ я себѣ такъ часто бывать у него какъ прежде, хотя онъ принималъ всегда съ любовію, когда былъ здоровъ.

Послѣднее свиданіе владыки съ княземъ Сергіемъ Михайловичемъ было 3 февраля 1859 года за четыре дня до его кончины. Въ это время я сидѣлъ у князя, который былъ ужь такъ слабъ, что едва могъ говорить; докладываютъ ему, что владыка пріѣхалъ. Князь приказалъ его просить и обратясь ко мнѣ, сказалъ: „пожалуста, поди и встрѣть владыку;“—что я тотчасъ и исполнилъ. Онъ началъ меня распрашивать: каковъ князь? Я объявилъ ему, что онъ такъ слабъ, что едва можетъ говорить. Владыка взошедъ, сказалъ нѣсколько успокоительныхъ словъ ему, и потомъ, разговаривая, обращался болѣе ко мнѣ, сберегая силы князя. Въ это время князь такъ укрѣпился, что самъ сталъ вмѣшиваться въ разговоръ. Онъ началъ разсказывать, какъ ѣздилъ за границу, какъ былъ въ Барѣ у мощей святителя Николая, какъ имъ заказанъ былъ молебенъ святителю, который очень хорошо служили. Но въ это время пришелъ туда же Кириллъ Александровичъ Нарышкинъ и спросилъ: что это поютъ? Князь сказалъ ему, что по его просьбѣ служатъ при мощахъ молебенъ; тогда Нарышкинъ сказалъ, что и онъ желаетъ заказать молебенъ. Только когда начали по его просьбѣ служить, совсѣмъ уже не такъ служили какъ мнѣ, а аббаты во время молебна между собою все спорили. При этомъ князь сказалъ, что во время своего путешествія онъ очень безпокоился о томъ, не пришлось бы ему опасно занемочь въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бы не случилось нашего священника: что бы тогда было дѣлать? Митрополитъ на сіе сказалъ: „вы могли бы съ собою взять запасные дары, которые священникъ можетъ отпустить благонадежному человѣку; въ первые вѣка христіанства многіе міряне имѣли у себя въ домахъ святые дары, напримѣръ сестра Василія Великаго; но въ послѣдствіи это было воспрещено, когда стали жить не благочестно.“ При семъ спросилъ я владыку: ежели бы мнѣ случилось быть за границею, гдѣ не случилось бы нашего священника, то, находясь при смерти, могъ ли бы я пріобщиться отъ католическаго священника? На сіе

владыка сказалъ мнѣ: что этого дѣлать бы не слѣдовало, потому что вы должны бы были уже отказаться отъ своей церкви. Потомъ я разсказалъ ему анекдотъ, о которомъ не помню гдѣ читалъ или слышалъ отъ кого: одинъ лютеранинъ, жившій въ Воронежской губерніи въ деревнѣ, занемогъ, и находясь при смерти пожелалъ пріобщиться св. Христовыхъ таинъ отъ православнаго приходскаго священника, который въ томъ ему отказалъ; сосѣдніе священники также не рѣшались его причастить; дошло сіе до свѣдѣнія святителя Тихона; тогда онъ самъ принесъ св. Дары и причастилъ его, а послѣ, когда тотъ выздоровѣлъ, присоединилъ его къ нашей церкви, нарекши его, по его желанію, Тихономъ. Трудно ручаться за достовѣрность сего анекдота, и митрополитъ сказалъ, что онъ въ первый разъ о семъ слышитъ.—Это свиданіе его съ княземъ было за четыре дня до его кончины. Когда я пошелъ провожать владыку, то сказалъ ему: „видно князь очень обрадованъ былъ вашимъ посѣщеніемъ,—оно его совершенно оживило; онъ до прибытія вашего былъ такъ слабъ, что съ трудомъ могъ сказать слово; когда же вы пожаловали, онъ твердо сталъ говорить, и разсказывать о всемъ какъ здоровый“. 7 числа князь окончилъ жизнь, а 13 числа владыка его отпѣвалъ въ церкви Воспитательнаго Дома. Замѣтно было, что онъ былъ растроганъ; но по слабости здоровья не могъ говорить слова,—замѣнилъ его въ семъ случаѣ протоіерей Сергѣй Григорьевичъ Терновскій. Владыка дружески былъ расположенъ къ князю, и каждый разъ, когда я у него ни бывалъ, ни разу не случалось, чтобы онъ объ немъ со мною не заговорилъ.

Послѣднее же мое свиданіе съ владыкою было 3-го генваря 1867 года. Я былъ у него по просьбѣ хорошаго моего пріятеля И. А. М., человѣка больнаго, имѣвшаго собственную дачу въ Петровскомъ Паркѣ; дача его приписана была къ приходу церкви Василія Кессарійскаго; а какъ далеко было каждый разъ для исправленія церковныхъ службъ на дачѣ посылать за священникомъ въ Москву, то желалъ онъ, чтобы дозволено ему было приглашать священника, находящагося при церкви въ Паркѣ. По сему случаю прибылъ я къ владыкѣ и нашелъ у него собраніе архимандритовъ, протоіереевъ и всѣхъ благочинныхъ, которые приглашены были къ нему въ этотъ день для совѣщанія о сборѣ пособія Кандіотамъ и дожидались его призыва въ другой комнатѣ. Видя, что я пріѣхалъ не во время, я хотѣлъ обратиться назадъ съ тѣмъ, чтобы пріѣхать въ

другой день; но служитель его успѣлъ уже о мнѣ доложить, и онъ приказалъ меня просить. Я засталъ его сидящимъ въ длинной гостиной у стола за кипами дѣлъ и бумагъ. Благословивъ меня, спросилъ: что скажете? Я отвѣчалъ ему: я къ вамъ, владыко, съ просьбою, но чтобы не долго вамъ объяснять, дозвольте мнѣ прочесть записку мною составленную, что будетъ короче. По выслушаніи сей записки, онъ сказалъ: да это не будетъ въ порядкѣ вещей. Послѣ чего я замолчалъ. Но говоря о чемъ-то другомъ, онъ началъ самъ: все, что я могу для васъ сдѣлать, это то, что я за сіе не буду взыскивать со священника. Поблагодаривъ его за сіе, я подумалъ про себя, что священникъ, который меня совсѣмъ не знаетъ, можетъ мнѣ въ томъ не повѣрить; потомъ я подошелъ къ нему, чтобы принять отъ него благословеніе. Замѣтно было, что онъ не желалъ мнѣ отказать,—и сказалъ мнѣ: во всякомъ случаѣ оставьте мнѣ вашу записку, посмотримъ что можно будетъ сдѣлать. Подавая записку, я спросилъ его: стало быть, владыко, вы дозволите мнѣ о семъ навѣдаться. „Конечно, только послѣ Крещенія.“ 10 числа генваря я опять взошелъ къ нему; онъ спросилъ меня: что прикажете? Я отвѣчалъ ему, что по поданной мною ему запискѣ дозволилъ онъ мнѣ къ себѣ явиться. „А о чемъ была записка?“—И когда сказалъ я ему о содержаніи записки,—онъ отвѣчалъ: „извините меня, ничего еще не успѣлъ сдѣлать;“ почему я просилъ у него позволенія еще навѣдаться къ нему, и онъ дозволилъ. Спустя нѣсколько дней пріѣзжаю, но видѣть его не могъ, потому что онъ былъ боленъ и никого не принималъ; спрашивалъ я Н. Васильевича, его секретаря: не сдавалъ ли вамъ владыка записку мою? Онъ отвѣчалъ: „нѣтъ, вѣроятно она попала между какими другими бумагами,“—и совѣтовалъ мнѣ составить новую и подать владыкѣ; но я уже не пожелалъ безпокоить и обременять владыку при его слабомъ здоровьѣ и при множествѣ дѣлъ; онъ давно говаривалъ, что у него больше дѣлъ, нежели времени.

Послѣ онъ уѣхалъ въ Лавру, гдѣ праздновали юбилей 50-лѣтняго служенія его въ святительскомъ званіи. На юбилеѣ мнѣ быть не удалось; въ октябрѣ возвратился онъ въ Москву; я все собирался къ нему, но сберегая его покой, день за день все откладывалъ. Наконецъ наступило 19 число ноября, день его кончины; на другой день въ домовой его церкви я навѣки простился съ нимъ, лежащимъ уже во гробѣ.

Михаилъ Евреиновъ.